

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
«Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Институт психолого-педагогического образования
Кафедра социальной психологии

Таусинова Ольга Константиновна

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ КАРТИНЫ ЖИЗНЕННОГО
ПУТИ ПОДРОСТКОВ, ПЕРЕЖИВШИХ НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ**

Направление 44.04.02 Психолого-педагогическое образование

Магистерская программа Практическая психология в образовании

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ:

Зав. кафедрой социальной психологии
к.психол.н., доцент Груздева О.В.

 18.05.2016
(дата, подпись)

Руководитель магистерской программы:
д.психол.н., профессор Селезнева Н.Т.

 11.05.2016
(дата, подпись)

Научный руководитель:
к.психол.н., доцент Дьячук А.А.

 10.05.2016
(дата, подпись)

Обучающийся:
Таусинова О.К.

18.05.2016
(дата, подпись)

Красноярск 2016

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические аспекты особенностей субъективной картины жизненного пути подростков, переживших насилие в семье.....	10
1.1 Насилие в семье как социально-психологическая проблема.....	10
1.2 Подходы к пониманию субъективной картины жизненного пути в зарубежных и отечественных исследованиях.....	15
1.3 Особенности субъективной картины жизненного пути подростков.....	34
1.4 Влияние травматического события на субъективную картину жизненного пути подростка, пережившего насилие в семье.....	39
Выводы по Главе 1.....	47
Глава 2.Эмпирическое изучение субъективной картины жизненного пути подростков, переживших насилие в семье.....	49
2.1 Организация и методы эмпирического исследования.....	49
2.2 Анализ особенностей субъективной картины жизненного пути подростков, перенесших насилие в семье.....	56
2.3 Содержание программы изменения субъективной картины жизненного пути подростков, переживших насилие в семье.....	82
2.4. Оценка изменений субъективной картины жизненного пути подростков после проведения программы.....	102
Выводы по Главе 2	114
Заключение.....	116
Список использованной литературы.....	119
Приложения.....	130

Введение

Актуальность исследования определена тем, что насилие и жестокое обращение с детьми в обществе и в семье одна из острых проблем в современной психологии. Последствия насилия вызывают тяжелые психологические травмы и оказывают негативное влияние на личность ребенка, его жизненный путь.

По данным Министерства внутренних дел за 2013 г. в России 129 тыс. детей стали жертвами насилия. По информации Комитета Государственной думы по делам женщин, семьи и молодежи, около двух миллионов детей в возрасте до 14 лет ежегодно подвергаются избиению в семье, 10% умирают от полученных побоев [84].

Нарушения, возникающие вследствие перенесенного насилия, затрагивают все уровни развития личности ребёнка, его эмоциональную и когнитивную сферы, а также соматопсихическую сферу и поведение (Е.Н. Волкова, Н.О.Зиновьева, Н.В. Тарабрина, Й. Лангмейер), и могут стать причинами преступности и воспроизводства жестокого обращения с детьми в обществе (Т.Я. Сафонова, Т.М. Журавлева, А.А. Реан).

Рост числа детей, подвергшихся насилию, влияние последствий насилия на развитие личности ребенка определяют необходимость психологических исследований причин насилия, разработки профилактических мероприятий, реабилитационных программ. Изучение психологических особенностей детей, переживших насилие, разработка методов диагностики последствий травматических переживаний и психокоррекционных программ являются востребованными в практике в настоящее время.

Влияние травматического опыта на личность подростков является одной из самых актуальных проблем, поскольку нарушения затрагивают все уровни человеческого функционирования. Эти изменения сказываются не

только на переживании актуального состояния, но и переживании всей жизненной ситуации в целом, что оказывает влияние на представление о своей жизни и о своих возможностях в будущем.

В связи с этим понимание особенностей субъективной картины жизненного пути позволит понять особенности восприятия прошлого, настоящего и будущего подростка в контексте его переживаний, а также определить направленность личности. Изучение характеристик субъективной картины жизненного пути позволит выделить направления психологической помощи и разработать приемы психологической работы с подростками, направленные на переживание стрессового события и дальнейшее реалистическое и конструктивное проживание событий.

Основы методологии изучения субъективной картины жизненного пути личности заложены в работах Б.Г. Ананьева, Ш. Бюлер, К. Левина, А.Н. Леонтьева, У. Найссера, Ж. Нюттена, С.Л. Рубинштейна, Г. Томэ и др.

В фокусе внимания исследователей находятся следующие аспекты формирования и функционирования индивидуальной системы представлений о жизни:

- субъективная картина жизненного пути личности в контексте системы значений и смыслов, вырабатываемых в результате взаимодействия человека с миром и культурным пространством (Б.Г. Ананьев, Р.А. Ахмеров, В.В. Бочаров, А.А. Кроник, Е.Ю. Коржова, Е.Ф. Рыбалко, В.И. Слободчиков, Ю.К. Стрелков и др.);

- проблема личностной организации времени жизни и временных перспектив (К.А. Абульханова-Славская, Т.Н. Березина, А.А. Бодалев, Л.В. Бороздина, М.Р. Гинзбург, Е.И. Головаха, В. Горбатов, В.И. Ковалев, А.А. Кроник, Л.К. Франк и др.);

- возрастные особенности субъективной картины жизненного пути (Р. Батлер, В.В. Болтенко, Д.А. Клаузер, Г. Крайг, О.В. Краснова, А.Г. Лидерс, Н.А. Логинова, В.Р. Манукян, Т.Д. Марцинковская,

В.Ф. Моргун, Р. Моуди, В.С. Мухина, Л.В. Сохань, Н.Ю. Ткачева, Н.Ф. Шахматов и др.).

Изучение субъективной картины жизненного пути приобретает значимость именно в подростковом возрасте, когда представление о своем будущем, осознание прошлого, конструирование своего жизненного пути является основой личностного самоопределения, влияет на последующие значимые выборы человека (М.Р. Гинзбург, Е.И. Головаха, К. Левин, Ж. Ньюттен и др.).

Таким образом, возникают противоречия между:

- высокой степенью риска подверженности насилию подростков и недостаточным вниманием, как к проблеме насилия в подростковой среде, так и его последствиям для развивающейся личности;

- актуальностью проблемы домашнего насилия и отсутствием разработанных теоретических подходов, направленных на понимание его последствий;

- объективной потребностью общества в разрешении проблем, связанных с домашним насилием над детьми, и отсутствием системы психологических мер по преодолению его негативных последствий.

Данные противоречия позволяют сформулировать проблему исследования, сущность которой заключается в необходимости исследования особенностей субъективной картины жизненного пути у подростков, переживших насилие.

Цель работы: выявление особенностей субъективной картины жизненного пути подростков, переживших насилие в семье, и разработка программы изменения субъективной картины жизненного пути данной группы подростков.

В качестве объекта исследования рассматривается субъективная картина жизненного пути подростков.

Предметом исследования выступают особенности субъективной картины жизненного пути подростков, переживших насилие в семье.

Нами была выдвинута следующая гипотеза: субъективная картина жизненного пути у подростков, переживших насилие в семье, характеризуется фрагментарностью, что затрудняет переживания произошедшей травмы и является деструктивным моментом в целеполагании подростков, постановке новых целей жизненного пути.

В процессе исследования решались следующие задачи:

1. На основе теоретического анализа научной литературы рассмотреть понятие субъективной картины жизненного пути (СКЖП).

2. Изучить влияния события «насилие в семье» на содержание и структуру субъективной картины жизненного пути.

3. Выделить, проанализировать и описать особенности СКЖП подростков, переживших насилие в семье.

4. Разработать и апробировать программу по изменению СКЖП подростков, переживших насилию в семье.

Методологическими и теоретическими основами исследования явились:

- подходы к пониманию домашнего насилия, его видов и классификации. (И.Г. Малкина-Пых, Л.С. Алексеева, С.Н. Королев, О.А. Кравцова, Т.Р. Маслова, А. М. Мугаджирова)

- теоретико-методологическое направление зарубежных и отечественных авторов, связанное с изучением последствий насилия у подростков при различных видах насилия (L.M. Williams, A.H. Buss, D. Olweus, Н.В. Тарабрина, А. Гуггенбюль, Э. Дюркгейм, А.Н. Дрожевец, Т.Я. Сафонова, Е.И. Цымбал, Х. Вильфинг, Г. Паренс).

- подходы к изучению жизненного пути личности и психобиографический подход (Н.А. Рыбников, Б.Г. Ананьев,

С.Л. Рубинштейн, Н.А. Логинова, А.А. Кроник, Е.И. Головаха, Р.А. Ахмеров и др.),

- исследования в области психологического времени личности (К. L.Lewin, М.Р. Гинзбург, К.А. Абульханова-Славская, В.С. Мухина),

- субъектный подход к развитию личности (С.Л. Рубинштейн, А.В.Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская, Н.А. Логинова, Е.Ю. Коржова, В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев).

Научная новизна значимость исследования.

Полученные данные расширяют современные представления о влиянии травматического события на субъективную картину жизненного пути подростков.

Показано, что подростки, пережившие насилие в семье, проживают депрессивные состояния, им свойственна высокая степень неприятия собственного прошлого, утрата веры в ближайшее окружение и, как следствие, в себя, не имея под ногами устойчивого основания, они не ощущают возможности для саморазвития в настоящем, проживая его фаталистично, «одним днем», как правило будущее не рассматривается ими как какой-либо реалистичный проект, тем самым не обеспечивая смысловой и временной перспективы.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что исследование СКЖП подростков, переживших насилие в семье, обогащает теорию психологии личности (психологическое здоровье, развитие личности), а также позволяет составить более точную картину об особенностях поведения и восприятия, будущего и прошлого подростков, переживших насилие в семье, что могло бы расширить практики работы психолога в образовании.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования дают основание для построения конкретной стратегии и технологии работы с

проблемами развития личности подростка-жертвы насилия в рамках оказания специализированной психологической помощи.

Разработана программа изменения отношения к СКЖП подростков, переживших насилие в семье.

Данные об особенностях СКЖП подростков, переживших насилие в семье, и особенностях её коррекции могут быть использованы в практике психологического консультирования подростков.

Полученные результаты могут быть применены для разработки мер профилактики в образовательных организациях и психологических центрах и технологий психологической помощи подросткам, пережившим насилие в семье.

Достоверность и надежность полученных результатов исследования обеспечены согласованностью теоретических положений и применением комплекса методов, адекватных предмету, цели, задачам, использованием методов математической статистики, содержательным анализом выявленных связей и закономерностей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Субъективная картина жизненного пути – это многоуровневое образование, включающее в себя взаимообуславливающее, связанное между собой личностно значимое прошлое, настоящее и будущее, формируемое такими факторами как смыслы и ценности.

2. Характерные особенности СКЖП в подростковом возрасте выражаются в высокой степени приятия собственного прошлого, при котором опыт является ресурсом, способствующим развитию и построению планов. Настоящее переживается отдельно от прошлого и будущего, но при этом, респондентам настоящее видится зависимым от воли личности, они чувствуют свою силу и способность распоряжаться жизнью, а также активно строят планы на будущее.

Будущие события имеют выраженный личностно-психологический характер, подростки ориентированы на себя и значимые для себя межличностные отношениями

3. Влияние травматического события на СКЖП заключается в том, что событие «насилие в семье», связанное в прошлом с длительным стрессом и разочарованиями, утратой веры в ближайшее окружение, ведет к собственному самоограничению, амбивалентному отношению к будущим событиям жизни, в неоднозначной окраске настоящего, фаталистичного и гедонистичного одновременно.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты исследования представлены на методических советах СОШ №23, №9, комиссиях в Краевом центре семьи и детей, на XVII Международном научно-практическом форуме студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века». По материалам диссертации опубликованы 3 статьи: в рецензируемом научном журнале, входящем в перечень ВАК – «Вестнике КГПУ», в журнале «Молодой ученый», а также в сборнике материалов конференции «Молодежь. Карьера. Образование» 17 мая 2016 г.

Материалы легли в основу программы поддержки несовершеннолетних пострадавших от насилия в семье в кризисном отделении Краевого центра семьи и детей.

Структура работы: работа состоит из введения, двух глав, заключения, 101 источника литературы, 9 рисунков, 14 таблиц.

Глава 1. Теоретические аспекты особенностей субъективной картины жизненного пути подростков, переживших насилие в семье

1.1 Насилие в семье как социально-психологическая проблема

Насилие над детьми в России сегодня является распространенным социальным явлением. В нашей стране самая большая угроза для детей их собственные семьи. Только за первые три месяца 2015 года, по данным Следственного комитета России, количество подростков, пострадавших от домашнего насилия, выросла в полтора раза по сравнению со всем прошлым годом. Семейное насилие в России носит системный характер, который выражается в том, что те, кто сегодня позволяет себе акты насилия в отношении детей, сами испытывали их в детстве. Опрос родителей, проведенный Т.Ф. Масловой и М.В. Смагиной, показал, что 65,7% из них в детстве ставили в угол, в том числе в неудобных позах; 45,7% респондентов подвергали телесным наказаниям (били ремнем, тяжелыми предметами с нанесением увечий); запугивали (45,7%); наказывали лишением общения (58,4%) [58, с. 2].

И сегодня детям приходится испытывать различные формы домашнего принуждения и риски подверженности насильственным действиям, в которых преобладают грубость и сквернословие (40%), психологическое давление (28%), физическое насилие (18%). 6% детей испытывали в семье сексуальное насилие. Лишь 22% респондентов отметили, что им не приходилось испытывать насилие, т.е. насилию в той или иной форме подвергались 78% детей.

Таким образом, данные статистики показывают распространенность и остроту проблемы насилия в семье в России.

Современные исследователи дают различные определения терминов насилия и жестокого обращения с детьми, обобщая которые можно сделать

вывод, что насилие – это различные виды поведения – от вербальных и эмоциональных оскорблений, применения физической силы до убийства и изнасилования.

Следует отметить, что насилие как феномен социальной действительности и предмет научного исследования весьма труден для изучения в силу ряда причин объективного и субъективного характера.

Существует неопределенность в понимании насилия. Например, определение насилия над детьми, предложенное Всемирной организацией здравоохранения в 2003 г., слишком многословно и обширно. По определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), насилие – преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб. А насилие над детьми – это жестокое обращение с ними, которое может выражаться в форме физического, сексуального, эмоционального насилия или отсутствия заботы [5, с. 188].

Подобная неопределенность затрудняет изучение проблемы насилия над ребенком и существенно ограничивает возможности оказания ему комплексной помощи.

Для проведения исследований по проблеме насилия над детьми мы придерживаемся следующих определений и понятий.

Насилие над ребенком – это физическое, психологическое, социальное воздействие на человека (ребенка) со стороны другого человека (ребенка или взрослого), семьи, группы или государства, вынуждающее его прерывать значимую деятельность и исполнять другую, противоречащую ей, либо угрожающую его физическому или психологическому здоровью и целостности [4, с. 183].

Одним из видов насилия является домашнее насилие, которое можно рассматривать как комплексный вид насилия. Семейное насилие – явление достаточно распространенное во всем мире и во всех слоях населения. О насилии в семье говорят в тех случаях, когда факты грубого и жестокого обращения не единичные, не случайные и ситуативные, а регулярные, систематические и постоянно повторяются. При всем разнообразии видов насилия – именно для семейного насилия характерно то, что оно приобретает всеобщий, генерализованный характер. Не бывает семейного насильника, который бы ущемлял свою жертву или жертв в чем-то одном [10, с. 165].

В отношении ребенка выделяются четыре основные формы:

- физическое,
- сексуальное,
- психическое,
- социальное [6].

К.И. Чудакова указывает, что физическое насилие – «это преднамеренное нанесение физических повреждений ребенку, которое может причинить ущерб его здоровью, нарушить его дальнейшее развитие и в крайнем случае лишить его жизни» [92, с. 162]. К физическому насилию также относится приобщение ребенка к употреблению наркотиков, алкоголя, отравляющих веществ или «медицинских» препаратов, которые вызывают одурманивание.

Сексуальное насилие – это когда ребенка вовлекают с его согласия и без такового в сексуальные действия, а также в проституцию и порнобизнес. Согласие ребенка на сексуальный контакт не дает основания считать его ненасильственным, поскольку ребенок еще не способен предвидеть все негативные последствия таких действий [37, с. 24].

Психическое насилие – это периодическое, длительное или постоянное психическое воздействие на ребенка, а также предъявление ребенку требований, которые не соответствуют его возрастным возможностям, и

могут тормозить его дальнейшее развитие личности и привести к формированию психологических комплексов.

Социальное насилие – происходит тогда, когда пренебрегают интересами и нуждами ребенка. О нем не заботятся и не удовлетворяют его основные потребности (питание, одежда, жилье, образование, медицинская помощь). В результате у ребенка может нарушиться эмоциональное состояние, появляется угроза здоровью и нормальному развитию.

Насилие в отношении ребенка относится к сфере профессионального интереса психологии, юриспруденции и социальной работы. Ребенок, переживший насилие, будет нуждаться в помощи специалиста. Насилие, которое ребёнок пережил, может быть скрытой причиной трудностей, с которыми клиент обращается к специалисту, а также, если вовремя не обратиться за помощью, это может негативно сказаться на дальнейшем его развитии [15, с. 164].

Специфика травмирующего влияния насилия на психику ребенка заключается в том, что насильником является член семьи ребенка, совершающий жестокое действие по отношению к конкретному ребенку с целью нанесения вреда именно ему. Поэтому ребенок, подвергшийся насилию, становится жертвой в самом полном смысле этого слова. Т.М. Журавлева, Т.Я. Сафонова, Е.И. Цымбал, Х. Вильфинг, Г. Паренс описывают основные виды и последствия жестокого обращения с детьми, анализируют особенности оказания психологической и правовой помощи таким детям.

Уязвимость подростков к насилию объясняется их физической, психической и социальной незрелостью, а также зависимым, подчиненным положением по отношению к взрослым, будь то родители, опекуны или воспитатели. В психолого-педагогической литературе накоплен достаточный опыт исследований по данной проблеме [16].

Следовательно, без понимания того, какое воздействие насилие оказывает на психику человека, ребенка, оказание помощи довольно большой категории клиентов может быть затруднена [21, с. 98]. Особенности проживания подростками насилия затрагиваются такими авторами как А. Гуггенбюль, Э. Дюркгейм, А.Н. Дрожевец, А.Н. Buss, и D. Olweus, которые освещают тему насилия в семье в попытке ответить на вопрос, каковы механизмы совладания с кризисом используются людьми в попытке самостоятельно преодолеть его последствия.

В.В. Королев отмечает, что насилие, которое пережил ребенок в семье, может оказать огромное влияние на все дальнейшее развитие ребенка, и затронуть не только эмоциональную, но и интеллектуальную и поведенческие сферы. Если ребенок растет в неблагоприятных для него психологических условиях, то он сильно отстает в росте от своих сверстников и имеет задержку психологического развития [43, с. 293].

У ребенка, подвергшегося насилию в семье, может развиваться «комплекс неполноценности», он склонен к уединениям, фантазиям, а также к агрессии и антисоциальному поведению. При этом агрессия может быть направлена как против других, так и против себя [60, с. 254].

О.А. Кравцова указывает, что подростки, являющиеся очевидцами домашнего насилия, подвергаются повышенному риску приобретения таких эмоциональных и поведенческих проблем как тревожность, страх, депрессия, плохая учёба, низкая самооценка, ночные кошмары, физическое недомогание [45, с. 241].

Практически все подростки, по мнению Л.С. Андреевой и В.А. Попова, пострадавшие от физического насилия и пренебрежительного отношения, пережили психическую травму, в результате чего они развиваются дальше с определенными личностными, эмоциональными и поведенческими особенностями, отрицательно влияющими на их дальнейшую жизнь [11, с. 65].

Жестокое отношение к ребенку, его отвержение в грубой или явной форме и последствия такого отношения живут в виде психотравматических переживаний и трансформируются сначала в комплекс жертвы, а затем агрессию или аутоагрессию.

Это проявляется в приступах беспокойства, безотчетной тоски, чувстве одиночества, в нарушениях сна. В старшем возрасте, у подростков, могут наблюдаться попытки покончить с собой или завершённые самоубийства [13, с. 136].

Подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что насилие как преднамеренное применение физической силы или власти, является не только значительной социальной проблемой, но и вопросом, требующим профессионального внимания психологов и социальных работников.

1.2 Подходы к пониманию субъективной картины жизненного пути в зарубежных и отечественных исследованиях

Проблема внутреннего мира личности была и остается одним из актуальных предметов в психологии. При этом проблема, структура и динамика внутреннего мира остается крайне малоизученной. В современных представлениях об активности, существования, развития человека наиболее важным становится понимание изменений во внутреннем мире личности.

Впервые подход к анализу личности через ее жизненный путь представлен отечественным ученым Н.А. Рыбниковым, который уже в 20-е годы XX в., полагал, что именно изучение биографии, понимавшейся им как история развития комплекса психофизиологических, психических и социально-психологических свойств, позволит вскрыть общие закономерности духовного развития человека. Жизненный путь понимался Н.А. Рыбниковым как история реализации заложенных в человеке

способностей в конкретных общественно-исторических условиях, препятствующих или благоприятствующих их проявлению (социальное происхождение, материальные условия, события общественной жизни и т.п.). Однако биографические исследования Н.А. Рыбникова не имели под собой проработанной собственно психологической концепции. Тем не менее, идея применения биографического подхода в психологии оказалась плодотворной и прогрессивной [77, с. 305].

Первая психологическая концепция жизненного пути личности принадлежит немецкому психологу Ш. Бюлер. Ее книга «Течение человеческой жизни как психологическая проблема» была оценена Б.Г. Ананьевым как основополагающая «при изучении жизненного пути личности» [8, с. 328].

Жизненный путь описывается Ш. Бюлер через понятия интенциональности (функциональное ядро личности, содержащее врожденные целевые и ценностно-смысловые структуры, экстериоризирующиеся по ходу индивидуального жизненного пути) и ее основной динамической тенденции – самоосуществления (процесс объективации внутренней сущности личности в масштабе жизни, и результат этого процесса, приводящий к исполненности и реализованности личности) [99, с. 241]. Указывая на возрастные особенности самоосуществления, «каждому этапу жизненного пути – свои достижения и свершения», Ш. Бюлер отмечает, что для пожилого возраста формой осуществления является исполненность и мудрость. Самоосуществлению предшествует длительная и напряженная внутренняя работа личности, которая направлена на понимание смысла жизни. Процесс поиска и постижения личностью смысла жизни Ш. Бюлер называет самоопределением. Продуктом самоопределения является индивидуальная концепция смысла жизни, которой руководствуется личность при построении жизненного пути. Чем

глубже и адекватнее понимание личностью смысла и цели своей жизни, тем успешнее и продуктивнее процесс ее самоосуществления.

Ш. Бюлер выделила элементарную структурно-функциональную единицу жизненного пути личности – жизненное событие – «единичное изменение, происходящее в обстоятельствах жизни человека» [99, с. 115]. Также была предложена простейшая типология жизненных событий: внешние и внутренние. Первые – это изменения во внешней среде, вторые – изменения во внутреннем мире личности. В жизненном пути ею выделялись три ряда событий. Первый ряд состоял из смены объективных условий жизни, т.е. последовательности внешних событий, второй составляли переживания, история становления и смены ценностей (внутренние события), третий – результаты деятельности, история творчества индивида в разных сферах жизни.

Проблема жизненного пути личности в отечественной психологии была подробно и продуктивно рассмотрена С.Л. Рубинштейном. В качестве существенного фактора жизненного пути личности у С.Л. Рубинштейна выступает активность личности.

С этой точки зрения необходимо определить основные жизненные образования личности. Это – активность, сознание и способность к организации времени жизни.

Активность понимается им как способность человека к самоинтеграции, к систематизации в единое целое своих влечений, желаний, мотивов и умения совершить волевое усилие с целью реализации своих желаний в личностно ценных и общественно значимых формах. Понятие активности тесно связано с пересмотренным С.Л. Рубинштейном в 50-е гг. XX в. принципом детерминизма. В новой трактовке он звучал как соотношение внешнего и внутреннего, во взаимосвязи которых все возрастающую роль играет именно внутреннее. «Общий принцип решения проблемы внешнего и внутреннего, сформулированный мною, – пишет

С.Л. Рубинштейн, – еще в «Бытии и сознании», заключается в соотношении самоопределения и зависимости от другого: внешние условия не прямо и непосредственно определяют конечный результат, а преломляясь через действие внутренних условий, собственную природу данного тела или явления.. При этом, строго говоря, внутренние условия выступают как причины (проблема саморазвития, самодвижения, движущие силы развития, источники развития находятся в самом процессе развития как его внутренние причины), а внешние причины выступают как условия, как обстоятельства. Действие причины зависит от природы объекта, на который оказывается воздействие, от его состояния» [76, с. 65].

Основными формами активности, по мнению К.А. Абульхановой, являются инициатива и ответственность. Инициатива рассматривается как свободная, отвечающая потребностям субъекта форма самовыражения, а ответственность как самое глубокое, равное самой жизни чувство серьезности, как жизненная способность личности удерживать контроль за собой и всем происходящим, видеть скрытые стороны жизни, обнаруживающие себя в последствиях, быть субъектом своей жизни и организатором жизни других людей [2, с. 265].

Сознание трактуется С.Л. Рубинштейном как высшее личностное качество, которое осуществляет три функции – функцию изменения отношения к психическим процессам, функцию отношений субъекта к миру и функцию изменения отношения к деятельности как целостного проявления субъекта. Функции сознания обнаруживаются в процессе осуществления личностью самодетерминации процесса своего осуществления. Это означает, что проблема сознания обсуждается в новом для ее понимания контексте – в пространстве категорий свободы и необходимости. Теперь субъект не просто опосредствует внешние воздействия, но и сам участвует в детерминации событий. «В силу того, что человек, благодаря наличию у него сознания, может предусмотреть, заранее представить себе последствия своих действий,

он самоопределяется во взаимодействии с действительностью, данной ему в отраженной идеальной форме (в мысли, в представлении) еще до того, как она может предстать перед ним в восприятии в материальной форме: действительность, еще не реализованная, детерминирует действия, посредством которых она реализуется» [76, с. 105].

Проблема времени рассматривается С.Л. Рубинштейном 1) с точки зрения «абсолютного» времени ньютоновской механики, отражающего особенности механического движения, и 2) как субъективное переживание времени, т.е. с точки зрения того, каким оно дано человеку. Время жизни субъекта, его поведения, переживания субъективно в связи с объективным процессом жизни.

Понятие жизненного пути личности, таким образом, неразрывно связано с понятием субъекта. Именно категория субъекта означает высший уровень развития личности. Поскольку развитие личности осуществляется не «в себе» или «для себя», а в жизненном пути, общении, деятельности, то качество ее как субъекта проявляется в оптимальном способе организации этого жизненного пути, общения, деятельности [2, с. 132]. Субъект, таким образом, проявляется через такие категории, как организация жизни и деятельности, способ разрешения противоречий и совершенствование.

Концепция жизненного пути является логическим завершением всего научного наследия С. Л. Рубинштейна. В своей последней работе «Человек и мир» он рассматривает жизнь как способ бытия человека в философском смысле, тем самым расширяя понятие жизненного пути личности и переводя его в плоскость проблемы личной жизни. Понятие личной жизни акцентирует превалирующий вклад активности личности в детерминацию индивидуального жизненного пути [76, с. 21].

Понятие субъективная картина жизненного пути было использовано Б.Г. Ананьевым в 1968 г. [9]. В его работах не дано развернутого определения, но им выделено несколько существенных моментов.

Во-первых, эта «картина» является важнейшей характеристикой самосознания человека;

во-вторых, в ней отражены вехи социального и индивидуального развития;

в-третьих, она всегда развернута во времени, фиксирует в биографо-исторических датах главные события жизненного пути, связывает в единой системе отсчета биологическое, психологическое и историческое время. Б.Г.Ананьев отмечал, что «субъективная картина жизненного пути в самосознании человека всегда строится соответственно индивидуальному и социальному развитию, соизмеряемому в биографо-исторических датах» [9, с. 113].

В отличие от многих других идей Б.Г. Ананьева, идея картины жизни не сразу была подхвачена его последователями из-за отсутствия очевидных способов ее операционализации, сложности организации исследований жизненного пути, некоторой громоздкости самого понятия.

Опираясь на идеи С.Л. Рубинштейна и Б.Г. Ананьева и развивая их, К.А. Абульханова-Славская, разрабатывает одну из концепций понимания жизненного пути личности. К своей концепции жизненного пути личности исследователь применила категорию времени. Автор указывает, что «время и объективно (езде одинаково по своим законам), и индивидуально. Оно является мерилom жизни человека....., но подчас не может переживаться «объективно», в отрыве от собственно личностных смыслов и значения.<Время – это> ценность, поскольку нам удастся наполнить его глубоким содержанием и реализовать себя в нем» [3, с. 145].

Исследуя вопрос роли времени в жизни человека, в первую очередь, автор говорит об организации времени субъектом, ее критериях, механизмах, средствах осуществления: «личность включается в совокупность причин и следствий своей жизни не только как зависимая от внешних обстоятельств, но и как активно их преобразующая, более того, как формирующая в

определенных условиях позицию и линию своей жизни... В качестве субъекта жизни она выступает как организатор, в чем и проявляется, прежде всего, индивидуальный характер жизни» [2, с. 153]. Опираясь на принцип рассмотрения личности как субъекта жизни и принимая во внимание отношение человека к жизни, ценности и смыслы, способ их практической реализации, К.А. Абульханова-Славская заключает: «...сущность личностной организации времени может быть раскрыта через соотношение личности с таким целостным, специфическим, динамическим процессом, как ее жизненный путь» [там же, с. 132]. Так, «жизненный путь представляет собой не только раз и навсегда зафиксированную позицию, но и определенную жизненную линию, то есть реализацию своей жизни во времени, ее постепенное развертывание, расширение и укрепление» [3, с. 477.].

К настоящему моменту область представлений человека о времени жизни изучена достаточно широко. Исходя из научного взгляда на личность как субъекта жизни, выступающего в роли организатора собственного жизненного пути, складывается научная традиция понимания субъективной картины жизни как важнейшей характеристики самосознания личности, которая развернута во времени, отражает этапы индивидуального и социального развития человека, состоит из жизненных событий и учитывает динамику их реализации (В.Г. Асеев, Я.В. Васильев, Е.И. Головаха, В.И. Ковалев, А.А. Кроник, С.Л. Марков, Н.Н. Толстых и др.).

Изучению субъективной картины жизненного пути посвятили свои работы западные психологи Р. Кулен, Б. Ньюгартен и др. В рамках данного научного направления многие зарубежные авторы особое внимание уделяют изучению субъективной картины жизненного пути как важнейшей характеристики самосознания личности, которая развернута во времени и отражает этапы индивидуального и социального развития человека (Р. Кастенбаум, Т. Коттл, К. Левин, Ж. Нюттен, Х.Томэ, Л.Франк и др.). В работах большинства исследователей прямо или косвенно отмечается, что

субъективная картина жизненного пути является одним из ведущих факторов, детерминирующим успешность включения в социальную жизнь общества, определяющим направление эффективного самоопределения, саморазвития и самореализации личности в течение ее жизненного пути.

Один из интересных взглядов на понятие субъективной картины жизненного пути предложено Е.И. Головахой и А.А. Кроником. В своих исследованиях авторы концепции стремились использовать достоинства всех предшествующих взглядов и подходов. В соответствие с этим сущность причинно-целевой концепции раскрывается посредством анализа соотношения причинности и времени в современной науке, а основные понятия вводятся и обосновываются в ходе решения одного из наиболее интересных и актуальных вопросов – специфики и взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего личности. Авторы рассматривают субъективную картину жизни как «психический образ, в котором отражены социально обусловленные пространственно-временные характеристики жизненного пути (прошлого, настоящего и будущего, его этапы, события и их взаимосвязи)» [32, с. 54].

Аналогично Б.Г. Ананьеву, А.А. Кроник и Е.И. Головаха в качестве простейших элементов жизненного пути рассматривают именно события. Однако они отмечают, что одни и те же события различаются по своей роли в жизни разных людей, т.е. «события жизни могут выступать по отношению друг к другу в роли причины или следствия, цели или средства» [32, с. 65]. Эти межсобытийные отношения являются важнейшей характеристикой субъективной картины жизненного пути. Субъективная картина жизненного пути – это «психический образ, отражающий социально обусловленные пространственно-временные характеристики жизненного пути (прошлого, настоящего и будущего), его этапы, события и их взаимосвязи» [там же, с. 65].

Е.И. Головаха, А.А. Кроник и Р.И. Ахмеров полагают, что субъективная картина жизненного пути считается гармоничной в том случае, если в ней присутствуют все виды связей между событиями: реализованные, актуальные и потенциальные. В этом случае человек, обращаясь к прошлому, настоящему и будущему, всегда обнаруживает личностно-значимые события, видит смысл всего происходящего в его жизни. По их мнению, такая картина указывает на наличие у человека значимых достижений и успехов в жизни, определенных ожиданий и целей в будущем, активность по достижению будущего в настоящем.

Как относительно упорядоченная во времени совокупность событий, являющихся на данном этапе жизненного пути основными ориентирами деятельности человека, будущее, с точки зрения Е.И. Головахи, может быть рассмотрено с помощью понятий жизненных целей и планов. Жизненные цели и планы в событийном подходе различаются как конечные и промежуточные события определенного этапа жизни. Цели – более масштабные и менее хронологически определенные события, чем планы. Е.И. Головаха предполагает, что последовательная реализация событий – планов, по мнению самого человека, в конечном счете приведет его к осуществлению соответствующих жизненных целей [32, с. 131].

Проанализировав различные подходы к проблеме жизненного пути человека, А.А. Кроник и Е.И. Головаха выделили:

категории психологического времени: прошлое, настоящее и будущее;

три масштаба психологического времени:

ситуативный (осуществляется непосредственное восприятие и переживание коротких временных интервалов);

исторический (события, произошедшие до рождения индивида, и те, которые произойдут после его смерти, вовлекаются в сферу переживания времени);

биографический (задается временем жизни в целом, представлением человека о продолжительности своей жизни) [32, с. 154].

Е.И. Головаха полагает, что событийным подходом не исчерпываются возможные направления исследования представлений человека о своем будущем. Изучение событий позволяет определить его дискретную картину, как совокупности последовательных моментов, направленных в будущее. Фактором, обуславливающим движение от события к событию, являются ценностные ориентации личности. Автор отмечает, что, планируя свое будущее, человек исходит из своих ценностных ориентаций.

Е.И. Головаха, рассматривая проблему формирования иерархии ценностных ориентаций, говорит о том, что ориентируясь в широком спектре социальных ценностей, индивид выбирает те из них, которые наиболее тесно увязаны с его доминирующими потребностями. Предметы этих потребностей, будучи осознанными личностью, становятся ее ведущими жизненными ценностями. Избирательная направленность на эти ценности отражается в иерархии ценностных ориентаций личности [32, с. 183].

На основе анализа многих отечественных и зарубежных исследователей Е.И. Головаха выделяет параметры, измерение которых позволяют оценивать будущую временную перспективу как благоприятный или негативный фактор развития личности и ее жизненного пути. В качестве основных рассматриваются:

Глубина (продолжительность) жизненной перспективы – хронологический «размах» событий будущего. Свидетельствует о том, насколько далеко способен человек заглядывать в будущее.

Реалистичность – способность личности разделять в представлениях о будущем реальность и фантазию, концентрировать усилия на том, что имеет реальные основания для реализации в будущем.

Оптимистичность – соотношение положительных и отрицательных прогнозов относительно своего будущего, а также степень уверенности в том, что ожидаемые события произойдут в намеченные сроки.

Согласованность характеризуется связанностью событий жизненного пути (прошедших, настоящих и будущих) друг с другом различного рода причинно-следственными и инструментально-целевыми связями. Е.И. Головаха отмечает, что при несогласованности жизненной перспективы, когда человек недостаточно связывает будущие события с прошлыми и настоящими, возникает феномен «временной некомпетентности, который негативно сказывается на степени адаптированности личности к конкретным условиям жизнедеятельности» [30, с. 211].

Понятие «субъективная картина жизненного пути» (СКЖП), введенное в психологию Б.Г.Ананьевым, было операционализировано в причинно-целевой концепции психологического времени Е.И.Головахой и А.А.Кроником [32, с.321]. Авторы концепции показали, что СКЖП, будучи когнитивно-мотивационным образованием, выполняет функцию жизненных установок и является формой «... существования жизненного замысла человека – готовности к восприятию и реализации тех или иных жизненных перемен, создающих линию его жизни» [там же, с. 65].

Дифференцированность будущей временной перспективы характеризуется как степень расчлененности будущего на последовательные этапы.

Субъективная картина жизненного пути как объект психологического исследования представляет собой многомерный феномен. Под сложностью субъективной картины жизненного пути М.Я. Дворецкая и Т.В. Улитенко понимают совокупность разнородных связей, образующих архитектурно-устойчивые отношения между событиями жизни [25, с. 65], таким образом, продолжая идею А.А. Кроника и Е.И. Головахи.

С.Л. Рубинштейн определяет события жизни как «узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется дальнейший жизненный путь человека» [76, с. 34]. С.Л. Рубинштейн связывает события жизни с собственной активностью человека. Но бывают события, происходящие по независимым от самого субъекта причинам. С событиями связаны коренные перестройки характера, изменения направления или темпа развития личности. Понимание сущности событий во многом определяет понимание природы самого жизненного пути в целом. Одни и те же события различаются по своей роли в жизни разных людей.

Структура субъективной картины жизненного пути, включает образ прошлого, настоящего и будущего. Л.Д. Демина, И.А. Ральникова выделяют в ее исследовании два аспекта. Первый отражает идею изучения субъективной картины с точки зрения субъективного восприятия личностью времени собственной жизни, под которым понимается система представлений человека о собственном прошлом, настоящем и будущем (В.И. Ковалев, Л.Ю. Кублицкене, В.Ф. Серенкова). Данная позиция важна тем, что отражает ценностный аспект времени жизни как отдельной сущности, позволяет выявить его индивидуальное качественное своеобразие, определить роль прошлого, настоящего и будущего в жизни отдельного индивида [69].

Основными компонентами СКЖП выступают значимые события жизни и представления человека о детерминационных связях между ними – причинных и целевых. Структурно СКЖП включает в себя жизненную программу, состоящую из жизненных обстоятельств и жизненных планов [3, с. 211]. Как структурный элемент самосознания СКЖП интегрирует представления человека о себе, о мире (с точки зрения содержания и направления активности человека в мире) и выполняет функцию жизненных

установок, иначе говоря, представляет программу – путь осуществления индивидуальности [11, с. 209].

Н.А. Логинова подчеркивает, что проблема жизненного пути является составной частью учения о личности. В изучении жизненного пути она выделяет два аспекта, которые соответствуют двум главным направлениям биографических исследований в психологии:

а) возрастной аспект – раскрытие общих особенностей личности на разных возрастных ступенях;

б) индивидуально-психологический аспект – исследование своеобразия психологического развития конкретной, единичной личности [52, с. 51].

Поэтому важен анализ не столько событий самих по себе, сколько их взаимосвязей, влияний друг на друга и на ход жизни в целом. Е.И. Головаха и А.А. Кроник называют такие взаимосвязи между событиями межсобытийными связями. «Межсобытийные связи – причинная обусловленность последующих событий предшествующими (детерминация прошлым), обусловленность событий целями и предполагаемыми результатами (детерминация будущим)» [32, с. 76]. Такого рода причинные и целевые связи являются единицами анализа субъективной картины жизненного пути. Степень включенности события в межсобытийную сеть – мотивационный статус события. В понимании природы мотивации А.А. Кроник, Е.А. Кроник, Р.А. Ахмеров, Е.И. Головаха придерживаются идеи С.Л. Рубинштейна о том, что «мотивация – это через психику реализующаяся детерминация» и рассматривают межсобытийную связь не только как когнитивную, но и как мотивационную связь событий [32, с. 251]. Каждая такая связь – это попытка человека ответить самому себе на вопросы, почему, как и зачем произошло в его жизненном пути то или иное событие. Понимание мотивационного статуса того или иного события оценивает значимость данного события для человека, выполняет функции мотивационной изменения отношения к жизненному пути личности и его

согласование с жизнью других, прежде всего, значимых для нее людей. Каузометрический анализ, разработанный А.А. Кроником и Е.И. Головахой, позволяет человеку глубже осознать мотивационные связи, увидеть свою жизнь как целостную картину прошлого, настоящего и будущего. Данный метод был основан А.А. Кроником, который попытался смоделировать жизненный путь человека с помощью специальных методик, прослеживающих причинно-следственную связь жизненных событий. Суть способа заключается в том, что человек выделяет самые значимые для него события, которым дает определенную положительную или негативную оценку в зависимости от их влияния на жизненный путь [32, с. 21]. Связав эти значения с особенностями личности, ее характером и темпераментом, а также значимыми ценностями, можно дать оценку прошедшей жизни и выстроить правильные перспективы в дальнейшем. На это и нацелены методики каузометрического анализа, которые используют разные средства для получения экспериментального материала: интервью, проективные методики, моделирование игровых ситуаций. Полученные данные субъективны, но данный биографический метод, в отличие от традиционных, более терапевтичен и полезен, так как позволяет человеку самому оценить свой жизненный путь, структурировать его, что дает возможность для более глубокого его анализа и оценки.

Ф.Е. Василюк считает жизненный путь личности ее жизненным творчеством. Переживания способствуют реализации жизненного плана, если человек сознательно созидает самого себя: формируется ценностная позиция и развивается воля человека. Ценность, становясь реальным мотивом поведения, оказывается обладателем мощного энергетического потенциала. Согласно положению Ф.Е. Василюка, при подлинном жизненном обретении ценности происходит подключение к энергиям той надындивидуальной сущности, с которой эта ценность связывает человека. При этом происходит творческое переживание, которое не только идеально

трансформирует свершившееся событие, но способствует трансформациям реальности. Нереализуемое прошлое содержание жизни эстетически сохраняется творческим переживанием в истории жизни и этически продолжается в замыслах и делах строящейся им новой жизненной реальности [25, с. 163].

Внутренней необходимостью жизни личности является реализация своего жизненного замысла (С.Л. Рубинштейн, Ф.Е. Василюк). Категория индивидуальной жизни представляет собой «развертывающееся целое, как жизненный путь личности» [24, с. 124].

Отечественные и зарубежные авторы сходятся во мнениях о том, что субъективная картина жизненного пути является важнейшей характеристикой самосознания личности и представляет собой многомерный феномен.

В структуре СКЖП нас интересуют аспекты, которые касаются осознания личностью своего в прошлого, настоящего и будущего и себя как субъекта жизненного пути. В своей работе мы опираемся на определение этого термина Б.Г. Ананьевым. СКЖП – это многомерное явление внутреннего мира личности, отражающий субъективные характеристики жизненного пути, его этапы, события и их взаимосвязи, а также себя в контексте этих отношений. Далее рассмотрим основные компоненты СКЖП.

М.Е. Шарипова отмечает, что основными структурными характеристиками являются событийно-временные характеристики СКЖП, включающие восприятие и переживание продуктивности времени жизни и отношение ко времени и событиям жизни. Также в СКЖП содержится представление личности о себе как субъекте жизни, включая характеристики осмысленности жизни, локуса контроля, представлений личности о контролируемости жизни [94, с. 54].

Важнейшим компонентом СКЖП выступает психологическое время личности, которое состоит в представлениях человека о характере детерминационных отношений между происшедшими, происходящими и

предстоящими событиями её жизни. Единицей психологического времени выступает межсобытийная связь. При этом единицей психологического прошлого является реализованная связь между событиями хронологического прошлого, единицей психологического настоящего – актуальная связь между событиями хронологического прошлого и будущего, единицей психологического будущего – потенциальная связь событий хронологического будущего [23, с. 54].

Б.Г. Ананьев отмечает, что «субъективная картина жизненного пути в самосознании человека всегда строится соответственно индивидуальному и социальному развитию, соизмеряемому в биографо-исторических датах» [10, с. 232].

Универсальными её компонентами являются события, из которых состоит реальная жизнь человека. По мнению В.Р. Манукян субъективная картина жизненного пути является сложным конструктом, и состоит из различных компонентов, а именно: пространственно-временного (включает образы прошлого, настоящего и будущего, имеющих различную степень конкретности, протяженности, событийной наполненности, значимости), когнитивно-оценочного (включает процессы анализа и осознания жизненного пути), эмоционально-оценочного (активное переживание осознанных моментов жизненного пути) и мотивационно-смыслового (осмысленность жизни, значимость достижений в соответствии с жизненной сферой, способствующая построению и активизации целей и планов). Все элементы определенным образом взаимосвязаны и образуют интегральные эффекты восприятия жизненного пути – удовлетворенность жизнью, реализованность, психологический возраст. СКЖП включает стабильные периоды и генетические переходы между ними, которые имеют смысл критических периодов, также оказывающих влияние на все структурные компоненты СКЖП [56, с. 71].

Основу СКЖП составляет эмоциональное отношение к настоящему, которое является фактором, определяющим восприятие жизненного пути в целом. Наименее значимым в структуре СКЖП является образ прошлого. Тенденция образования связей свидетельствует о том, что восприятие жизненного пути имеет целостную эмоциональную окраску.

Эмоционально-когнитивные (удовлетворенность, реализованность) и мотивационно-смысловые (значимость) показатели тесно положительно взаимосвязаны внутри одной жизненной сферы, что демонстрирует характер протекания процесса самореализации на жизненном этапе: значимость жизненной сферы определяет степень усилий по самореализации в ней, а это, в свою очередь, сказывается на удовлетворенности. Вместе с тем, тесные взаимосвязи показателей удовлетворенности, реализованности и значимости независимо от жизненных сфер свидетельствуют о том, что СКЖП является целостным образованием.

Основными компонентами СКЖП выступают значимые события жизни и представления человека о детерминационных связях между ними – причинных и целевых [32, с. 231]. Структурно СКЖП включает в себя жизненную программу, состоящую из жизненных обстоятельств и жизненных планов [8, с. 201]. Как структурный элемент самосознания СКЖП интегрирует представления человека о себе, о мире (с точки зрения содержания и направления активности человека в мире) и выполняет функцию жизненных установок, иначе говоря, представляет программу – путь осуществления индивидуальности [11, с. 78].

Основными компонентами субъективной картины жизненного пути, по мнению А.А. Кроника, являются межсобытийные связи – реализованные, актуальные и потенциальные. Люди, нашедшие свое призвание, проявляют большую адекватность в осознании значимости событий. Наоборот, у людей, не нашедших свое место в жизни, количество случайных, не связанных друг с другом событий в картине жизни оказывается довольно большим [32, с. 78].

В описывающих содержание субъективных картин жизненного пути текстах могут отсутствовать межсобытийные связи, принадлежащие либо к прошлому, то есть реализованные, либо к настоящему, то есть актуальные, либо к будущему, то есть потенциальные связи. Этот феномен был назван «мотивационной недостаточностью» [47, с. 21]. В результате исследований оказалось возможным типологизировать деформации субъективных картин жизненного пути и обобщенно представить их следующим образом:

– отсутствие потенциальных связей, характеризующее чувство бесперспективности, отсутствие данных связей сопровождается обычно и отсутствием актуальных связей, что свидетельствует о пассивности человека в настоящем и отсутствии надежды на будущее;

– отсутствие реализованных связей приводит к обесцениванию прошлого, их отсутствие возникает тогда, когда человек не чувствует связи своего прошлого с будущим;

– отсутствие реализованных и потенциальных связей и наличие только актуальных означает, что человек полностью поглощен текущим периодом жизни, воспоминания или мечты, которые не имеют непосредственного отношения к заботам дня сегодняшнего, кажутся непозволительной роскошью; картина жизни лишь с потенциальными связями может быть характерна для человека, с головой ушедшего в мечты и планы, правда, по его собственным ощущениям, ничего толкового он пока сделать в своей жизни не успел – прошлое и настоящее обесценивается, то есть настоящее незначимо, а прошлое пусто [32, с. 267].

Согласно представлению Б.Г.Ананьева в самосознании личности субъективная картина жизненного пути строится «соответственно социальному и индивидуальному развитию, соизмеряемому в биографо-исторических датах» [10, с. 67]. В условиях социально-исторического либо биографического кризиса при деформации структуры личности она искажается: сокращается субъективное будущее, акцентируется

сиюминутное настоящее, из прошлого выпадают существенные пласты опыта [7, с. 87]. На основе субъективной картины и концепции жизненного пути происходит регуляция личностью процесса её социальной жизнедеятельности, принимаются конкретные жизненные решения.

Концепция самоопределения М.Р.Гинзбурга, отражает как ценностно-смысловой, так и активно-деятельностный компоненты. Автор, основываясь на работах Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, М.М. Бахтина, С.Л. Рубинштейна, кладет в основу рассмотрения понятия самоопределения личности представление о двойственной, духовно-материальной сущности человека, который живет одновременно в двух плоскостях – ценностно-смысловой и пространственно-временной. При этом пространственно-временная плоскость отражает «реальное действие», которое, в свою очередь, является средством реализации ценностей и смыслов [28, с. 65].

М.Р. Гинзбург дополняет предлагаемую схему временным аспектом, рассматривая три компонента – прошлое, настоящее и будущее – через понятие «жизненное поле личности», под которым понимает «совокупность индивидуальных ценностей и смыслов и пространства реального действия – актуального и потенциального, охватывающего прошлое, настоящее и будущее» [29, с. 26].

Необходимо отметить, что прошлое, по мнению автора, существует как воплощение опыта, настоящее отражает действительность и предполагает саморазвитие, а будущее существует как проект, обеспечение смысловой и временной перспективы. В рамках этого подхода личностное самоопределение рассматривается как «содержательное конструирование человеком своего жизненного поля, включающего в себя как совокупность индивидуальных жизненных смыслов, так и пространство реального действия (актуального и потенциального)» [там же, с. 24.].

1.3 Особенности субъективной картины жизненного пути подростков

Ребенок проявляет жажду освобождения от любого внешнего контроля и стремится к полной независимости. Все это сочетается с началом этапа осознанного самовоспитания и развитием самоконтроля. Это период, когда идет построение первых серьезных жизненных планов.

Подростковый возраст – период, когда молодой человек устремлен в будущее и уравновешен. Однако это начальная стадия нового этапа. На ней проявляется психология подросткового возраста одновременно. Молодой человек еще долго не может уйти от присущей ему ранее односторонности оценок, категоричности и нетерпимости. У него часто проявляется максимализм (завышение нереального идеала), когда действительность кажется мрачной. Такое видение жизни порождает пессимизм, отчаяние и подавляет деятельность [24, с. 54].

Именно поэтому подростковый возраст отличается проявлением социальной критики и негативизма. Молодой человек рассматривает общественные отношения, словно со стороны. При этом он забывает о том, что сам является продуктом критикуемого им социума. Человек, этап становления которого ранний юношеский возраст, нередко фиксирует внимание только на том, что не подходит под описание его идеала. Возникающее при этом абстрактное недовольство не позволяет трезво оценить имеющиеся в обществе социальные проблемы [43, с. 51].

В тот момент, когда взрослые указывают молодому человеку на необоснованность имеющегося у него мрачного понимания жизни, он противится их убеждениям. Данные проблемы могут уйти только при решении той или иной трудной ситуации. При этом действия, которые были предприняты молодым человеком, и станут той предпосылкой, которая изменит негативное отношение к миру. Способность к соотношению себя настоящего с собой в прошлом и будущем – важнейшее позитивное

образование самосознания развивающейся личности в подростковом возрасте. Построение субъективной картины жизненного пути в самосознании развивающейся личности чрезвычайно важно. Эта картина может быть построена в случае развитой способности к рефлексивной деятельности – аналитической к соотношению своего прошлого, настоящего и будущего со своими возможностями, целями и ценностными ориентациями.

Подростковый и юношеский возраст являются непростыми этапами в жизни каждого человека. И это связано со становлением личности. В данный период возникает необходимость в самоопределении: молодой человек встает перед выбором профессии.

Это вынуждает его отказаться от многого другого в своей жизни. Самоопределение – ответственный и весьма сложный этап, так как он связан с самоограничением. В такой период у человека возникает внутренняя напряженность. В ранней молодости люди испытывают стремление доказать всем окружающим, что они готовы к взрослой жизни и принятию самостоятельных решений. Родители и педагоги должны своевременно и активно поддерживать такие порывы. В более поздний период сформировать независимость и жизненную смелость становится намного труднее. В.А. Аверин отмечает, что молодой человек намного быстрее начинает принимать самостоятельные решения, если на начальном этапе он делает это со взрослыми, деля с ними ответственность за свои действия [4, с. 241].

Исследования жизненного пути личности по классификации В.Н. Дружинина относятся к уровню изучения уникальной индивидуальности, и это требует от исследователя осторожного подхода к анализу полученных результатов, чтобы за выявлением общих закономерностей не проглядеть индивидуальность [по 33]. В.Н. Дружинин рекомендует в качестве наиболее адекватных методов исследования в таких случаях установление сходств (построение размытых классификаций) и

описание отдельных случаев. Исходя из вышеизложенного и сложности нашего объекта изучения, в данной работе мы ограничимся качественным описанием полученных результатов.

Для нашего исследования картина жизненного пути подростка представляет значительный интерес как образ, временные измерения которого соизмеримы с жизнью в целом. В этом образе запечатлено не только прошлое подростка – этапы его становления, не только настоящее – переживание текущего момента, но и будущее: жизненные планы и перспективы.

По мнению В.А. Буровихина, в субъективной картине жизненного пути современных подростков, и юношей наибольшей детализированностью отличаются представления о будущем, тогда как воспоминания о прожитой жизни менее содержательны, однако более вариативны, и включают в себя много уникальных событий. Как в образе прошлого, так и в образе будущего преобладают события, связанные с семейной жизнью (в родительской или в самостоятельно созданной семье). При этом если индивидуальные траектории прошлого не поддаются типологизации, то в образе будущего девочки связывают течение судьбы с изменениями, которые произойдут в их семьях, а мальчики – с событиями профессиональной жизни или внутренними переживаниями [22, с. 11].

По данным, которые приводит А.А. Кроник, в 12–13 лет подросток легко схватывает идею исторического прошлого, а построение временной перспективы требует более высокого умственного развития. Возраст же 14–15 лет наиболее приемлем для формирования субъективной организации времени жизни. Обозначенный возраст сопровождается давлением собственных инстинктивных требований и ведет (как реакция на восприятие этих требований) к созданию философии жизни. Таким образом, и со стороны социальной ситуации развития, и со стороны психофизиологического развития, подростковый возраст является наиболее

сензитивным для формирования субъективной организации времени жизни [46, с. 5].

Картина мира в подростковом возрасте не может быть достаточно полной. Всякая картина мира – это субъективное представление. Но от того, как она будет формироваться, насколько личность в подростковом возрасте окажется готовой для преодоления каких-то трудностей, будет зависеть и дальнейший результат [46, с. 11].

Объективно существующий мир предоставляет подростку определенное жизненное пространство, ситуацию, в которой существует множество проблем, множество путей их решения, а личность в качестве субъекта обладает некоторой степенью свободы выбора проблем и методов их решения. Выбирая под давлением или по своей воле проблемы и пути их решения, подросток неизбежно вступает в социальное и культурное взаимодействие с другими людьми, добиваясь успехов в решении поставленных задач и терпя поражения. Общение и взаимодействие с другими людьми в процессах жизнедеятельности позволяет каждому человеку изменять, на основании анализа полученных положительных и отрицательных результатов и обсуждения опыта, свою индивидуальную картину мира. Индивидуальная картина мира развивается, выстраивается человеком из разрозненных образов, укорененных в детстве, и характеризуется той или иной степенью соответствия объективной картине мира. Каждая индивидуальная картина мира, таким образом, является продуктом мышления человека, осмысливающего свой жизненный путь, и является динамическим образованием. Каждое воспринимаемое и осознаваемое событие в жизни является, таким образом, предпосылкой для изменения индивидуальной картины мира и, следовательно, жизненных планов и методов их исполнения [33, с. 205].

Создавая собственную картину мира, подросток использует весь имеющийся у него опыт взаимодействия с этим миром. Здесь играют роль и

индивидуальные особенности подростков, и особенности характерные для данного возрастного периода.

К концу подросткового возраста в качестве новообразования этого периода возникает самоопределение, которое характеризуется не только пониманием самого себя – своих возможностей и стремлений, но и пониманием своего места в человеческом обществе и своего назначения в жизни.

И.А. Буровихина обнаруживает большую формализованность описаний будущего, отсутствие в образе жизненной перспективы уникальных событий у подростков из дисфункциональных семей [23, с. 170].

Упоминание родителей при описании жизненной перспективы и ретроспективы будет более редким у подростков, переживающих в настоящее время отчужденные, гнетущие и лишённые доверительности отношения с ними [15, с. 41]. Аффективная составляющая образа родителя у таких подростков выражена негативно, что заставляет избегать его актуализации в соответствии с действием отрицания и избегания как защитных механизмов психики [53, с. 71].

Таким образом, одним из центральных новообразований подросткового возраста является чувство взрослости, которое выражается в стремлении к независимости, самостоятельности, в утверждении своего личного достоинства.

В целом, в подростковом возрасте формируется такая важнейшая структура, как мировоззрение, целостная картина мира и себя в нём; совершается профессиональное и личностное самоопределение, что связано с изменением восприятия времени; появляется жизненный план, осуществляется выбор путей его реализации по принципу «активное достижение – пассивное следование обстоятельствам»; изменяется жизненная перспектива (временной горизонт углубляется, охватывая отдалённое прошлое и будущее, и расширяется, включая не только личные,

но и социальные перспективы). В подростковом возрасте появляется жизненная программа (система жизненных планов с учетом жизненных обстоятельств), хотя она еще отличается крайней изменчивостью и слабой продуманностью. В субъективной картине жизненного пути юношей и девушек ярко выражено преобладание будущего над прошлым и настоящим или, в терминах, введенных А.А. Кроником, преобладание потенциальных причинно-целевых связей над реализованными и актуальными.

1.4 Влияние травматического события на субъективную картину жизненного пути подростка, пережившего насилие в семье

Переживания последствий у подростков, подвергшихся насилию в семье, приводят к серьезным трудностям социализации, развития, сохранения психологического здоровья. Как показывают результаты исследований, у данной группы подростков нарушены связи со взрослыми, нет соответствующих навыков общения со сверстниками, в связи с низкой самооценкой, также сужена временная перспектива, меняются смысловые связи, что приводит к угрозе здоровью и нормальному развитию. Решение своих проблем подростки-жертвы, как правило, физического, социального и психологического насилия – часто находят в криминальной, асоциальной среде, а это часто сопряжено с формированием у них пристрастия к алкоголю, наркотикам, они начинают воровать и совершать другие уголовно наказуемые действия.

Отсутствие целей и жизненных планов, смутность представления о собственном будущем связано с дефектами развития личности, с неблагоприятными, а то и трагическими обстоятельствами жизненного пути. Так, в диссертации Тхай Чи Зунга, выполненной под руководством Е.Ф.Рыбалко, в том числе, изучались особенности психологического времени

у вьетнамцев-инвалидов войны в возрасте 30-40 лет [87, с. 21]. Обнаружено, что настоящее и будущее переживается инвалидами по сравнению со здоровыми людьми значительно менее насыщенными событиями. Их средний психологический возраст больше, чем у здоровых сверстников. В каузограммах инвалидов меньше представлены потенциальные события, относящиеся к будущему.

С другой стороны, для интенсивно развивающейся личности, как показано Тхай Чи Зунгом, на примере изучения школьников, характерна оптимальная субъективная картина жизненного пути. Последняя отличается адекватным осознанием значимых событий жизни, незначительным занижением психологического возраста, продолжительной временной перспективой, которая должна к тому же быть реалистичной, оптимистичной согласованной, четко дифференцированной.

В исследовании В.С.Хомика изучались особенности переживания и осознания времени юношами, склонными к ранней алкоголизации [54]. У них наблюдается деформация субъективной картины жизненного пути, «расщепление» прошлого, настоящего и будущего времени. В картине будущего доминируют краткосрочные цели. В случаях ранней алкоголизации происходит дезактуализация настоящего (люди не ценят настоящее время жизни).

В чём-то сходную картину выявил Р.А. Ахмеров у инвалидов [15]. Как оказалось, инвалиды отличаются неспособностью обзреть далёкую жизненную перспективу у них «биографическая близорукость», по выражению Р.А. Ахмерова, их жизненные программы менее продуманны, негибки, содержат сравнительно небольшое количество причинно-целевых связей между событиями. Автор приходит к мнению, что чем дальше человек способен заглянуть в своё будущее, тем больше у него выражены жизнотворческие способности.

Исследование связи между опытом насилия пережитого в детстве, сокращением субъективной картины будущего и развитием дезадаптивного поведения во взрослом возрасте представляет интерес с точки зрения изучения механизмов психологической травматизации вследствие пережитого насилия. В свою очередь, лучшее понимание этих механизмов будет способствовать разработке более эффективных программ помощи людям, переживавшим насилие в детстве, что и обуславливает актуальность данной работы.

О.Н. Боголюбова отмечает, что значение субъективной временной картины жизни человека заключается в антиципационной функции субъективной картины будущего и интегрирующей функции картины прошлого, что в совокупности дает ему ощущение временной целостности его жизни, столь необходимое для его психического здоровья [18, с. 98].

Переживание насилия в детстве и подростковом возрасте вызывает патологические изменения субъективной картины жизни, затрагивающие как восприятие прошлого, так и различные особенности проживания настоящего и представления о собственном будущем.

Психическая дезадаптация затрагивает всю личность в целом, а не только отдельные области функционирования. Это особенно верно для описания последствий насилия, события, пережитого в детстве, так как насилие, как проявление глубочайшего нарушения детско-родительских отношений и как, фактически, условие, определяющее все развитие ребенка, приводит к развитию нарушений, затрагивающих всю личность в целом [18, с. 141].

Ситуация семейного насилия является кризисной, чрезвычайной, психотравмирующей ситуацией. Поскольку кризис как раз и характеризуется невозможностью реализации центральных аспектов личности, то кризисной ситуацией можно называть такое взаимодействие субъекта и его среды, при котором реализация жизненно важных

психических процессов субъекта становится невозможной. Кризисное событие, в таком случае, – это такое значимое для субъекта изменение в окружающей действительности (внутренней и внешней), которое приводит к невозможности реализации его жизненно важных процессов.

Отдельным блоком стоят исследования, предметом которых является влияние кризисных ситуаций на СКЖП личности. Кризис жизни при этом рассматривается как «критический уровень становления социально-психологического противоречия, обостренного до предела, до той последней границы, которая определяет в данный момент внутриличностные резервы социальной адаптивной энергии» [8, с. 202]. В структуре СКЖП личности принято различать такие критические жизненные ситуации как возрастные кризисы, биографические кризисы и кризисные ситуации [51, с. 62].

В критических ситуациях могут наблюдаться деформация субъективной картины жизненного пути: отсутствие связи с прошлым, чувство бесперспективности и отрыв от связи с настоящим (самая тяжелая степень деформации); обесценивание прошлого в связи с серьезностью текущего момента; отсутствие связи прошлого с будущим (жизнь разорвана, активность скована, настоящее пусто, скучно, бесполезно); обесценивание настоящего и прошлого (человек весь в мечтах и фантазиях) и др.

Следует отметить, что определяющую роль при оценке изменений СКЖП играет не сила воздействия (или «степень экстремальности события»), а восприятие этого события индивидом как угрожающего его жизненным планам и значимым ценностями и потребностям.

Соотношение и степень выраженности выделенных изменений может быть основой для выделения различных способов изменения СКЖП личности под влиянием событий жизни: травматического, аффективного и субъектно-деятельностного.

Невозможность реализации актуальных потребностей, признание своей неудачи в одной из сфер жизнедеятельности, которое само по себе

представляет тягостное событие в жизни человека, может привести к отказу от той ценности, ради которой человек мобилизовал свои силы, к «коррекции ожиданий и надеж», активизации работы механизмов психологической защиты.

Работа механизмов психологической защиты находит свое отражение, в частности, и в том, что факт наличия «вынужденных» изменений в иерархии ценностей не всегда осознается человеком и часто сопровождается ощущением неясной, «подспудной» неудовлетворенности существующим положением вещей.

Признание неудачи влечет за собой снижение самооценки, требует пересмотра позитивных представлений о себе. В таких случаях некоторые индивиды прибегают к приему сравнения «идущего вниз» (сравнение себя с людьми, находящимися в еще более тяжелом положении) или «идущего вверх» (человек концентрируется на своих успехах в других областях и ситуациях). Все эти приемы обесценивают неудачу, не требуют негативной перестройки отношения к себе и вписываются в личную теорию как незначительный биографический эпизод [40, с. 98].

Наличие в жизненном опыте человека событий, оцениваемых им как кризисные, критически, повлекшие к изменению жизненных ценностей и целей, способствует увеличению значимости возможности самоутверждения личности как за счет реализации внутреннего потенциала, так и за счет предъявления высоких требований к жизни и другим людям. А также может приводить к увеличению ориентации личности на «безопасное» самовыражение, связанное с высоким материальным достатком и социальным одобрением своего поведения [44].

В ряде случаев может отмечаться изменение жизненного стереотипа в сторону большей внешней и внутренней активности личности, что связано с повторным обращением к значимым жизненным целям прошлого. Вместе с тем, как в случае ориентации на стабильность и самоутверждение, так и в

случае стремления к развитию в настоящем в большинстве случаев отмечается неуверенность в собственных силах контролировать события жизни, снижение целенаправленности прошлого и будущего при сохранении надежд на существенное изменение обстоятельств жизни. Это находит свое отражение в повышении степени закрытости личности и активизации механизмов биографической защиты [47, с. 312].

При аффективном варианте изменения СКЖП отдельные значимые события жизни оказывают влияние на ход жизни в целом, жизненные планы и цели, могут способствовать корректировке общих взглядов на жизнь, но при этом не приводят к существенной, резкой перестройке системы ценностных ориентаций.

Произошедшие изменения в мировоззрении преимущественно относятся к таким понятиям как «оптимизм», «вера в людей», «разочарование в людях», «неизбежность потерь», «взаимопонимание с другими», «доверие» и характеризуются преобладанием аффективного компонента.

Одним из психологических последствий травматизации является нарушение временной перспективы личности, крушение жизненных планов и временная дезориентация личности [29, с. 301].

Существует связь временной перспективы личности с наличием различного рода психических расстройств, имеющих выраженную социогенную природу (депрессии, неврозы, алкоголизация, суицидальные тенденции). Временная перспектива связана с социогенными психическими нарушениями двояким образом: не только болезненные состояния накладывают свою печать на её структуру, но и нарушения временной перспективы сами по себе провоцируют психические расстройства [41, с. 62]. Временная перспектива личности не только подвержена влиянию социума, но и способна активно противостоять их негативному воздействию, т.е. выступать как более или менее адекватная защитная стратегия.

Впервые эта особенность временной перспективы личности была выделена в рамках психоаналитического подхода. Так, активное (хотя и фантастическое) планирование будущего выступает в качестве одного из защитных механизмов [37, с. 311]. Возможность детерминации будущим как условие свободного отношения человека к жизненным данностям (часто трудным и даже невозможным) стала предметом исследования В. Франкла. В его работах способность человека находить будущий смысл в актуально смыслодефицитных ситуациях рассматривается как условие сохранения личностной целостности и предпосылка личностного развития [52, с. 131].

Основными характеристиками представлений о будущем, у подростков, переживших критическую ситуацию, одной из которых может быть рассмотрено насилие в семье, являются: неумение четко планировать будущее (в рассмотрении со всей жизненной перспективой), прогнозировать ожидаемые события, неопределенность будущего, нейтральная оценка жизненной перспективы, низкая степень реализованности в настоящем и отсутствие потребности реализоваться в будущем.

Структура СКЖП носит динамичный характер и способна изменяться, если меняются обстоятельства жизни или внутренние установки личности. Динамичность и одновременная устойчивость СКЖП и позволяет ей осуществлять функции самопознания, самоопределения и самоизменения отношения к процессу жизненного пути и отвечать за стабилизацию личностной идентичности, отражать мотивацию развития индивидуальности.

Представляя общую модель СКЖП подростков переживших насилие, мы ориентируемся на концепцию жизненного пространства Курта Левина, который рассматривает временное поле личности как систему личностно значимого прошлого, настоящего и будущего обусловленную такими факторами, как возраст, смыслы и ценности.

Жизненное пространство – это вся психологическая реальность. Оно содержит тотальность возможных событий, способных повлиять на поведение индивида.

Жизненное пространство окружено физическим миром, не означает, что жизненное пространство – часть физического мира. Скорее, жизненное пространство и пространство за его пределами – дифференцированные и отдельные регионы большей тотальности. События, существующие во внешнем регионе и соседствующие с границей жизненного пространства – Левин назвал этот регион «внешней оболочкой жизненного пространства» – могут материально воздействовать на психологическую среду

События в психологической среде также могут вызывать изменения в физическом мире. Между этими двумя мирами – двустороннее сообщение. Соответственно, говорят, что граница между жизненным пространством и внешним миром обладает свойством проницаемости. Граница напоминает проницаемую мембрану или сеть – скорее, чем стену или жесткий барьер.

Никогда нельзя быть уверенным заранее, что какое-то событие из внешней оболочки не нарушит границу жизненного пространства и не перевернет вверх тормашками психологическую среду. События среды могут влиять на человека, $P=f(E)$, и наоборот, $E=f(P)$.

На основании концепции Курта Левина подростки пережившие насилие, во внешней среде имеют событие – домашнее насилие, в прошлом связанные с длительным стрессом и разочарованиями, утратой веры в ближайшее окружение, и как следствие в психологической среде происходят следующие изменения: не имея под ногами устойчивого основания, подростки не ощущают возможности для саморазвития в на стоящем, проживая его фаталистично, «одним днем», соответственно, имея подобный набор опыта в прошлом, и отсутствие смыслов в настоящем, собственное будущее не рассматривается ими как какой либо реалистичный проект, тем самым не обеспечивая смысловой и временной перспективы.

Выводы по Главе 1

Насилие над детьми в России сегодня является распространенным социальным явлением. Следует отметить, что насилие как феномен социальной действительности и предмет научного исследования весьма труден для изучения в силу ряда причин объективного и субъективного характера.

Проблема внутреннего мира личности была и остается одним из актуальных предметов в психологии. При этом проблема, структура и динамика внутреннего мира остается крайне малоизученной. В современных представлениях об активности, существования, развития человека наиболее важным становится понимание изменений во внутреннем мире личности.

Ребенок проявляет жажду освобождения от любого внешнего контроля и стремится к полной независимости. Все это сочетается с началом этапа осознанного самовоспитания и развитием самоконтроля. Это период, когда идет построение первых серьезных жизненных планов.

Проблема внутреннего мира личности была и остается одним из актуальных предметов в психологии. При этом проблема, структура и динамика внутреннего мира остается крайне малоизученной. В современных представлениях об активности, существования, развития человека наиболее важным становится понимание изменений во внутреннем мире личности.

Субъективная картина жизненного пути представляется как психический образ, в котором отражены социально обусловленные пространственно-временные характеристики жизненного пути (прошлого, настоящего и будущего, его этапы, события и их взаимосвязи).

Человек, обращаясь к прошлому, настоящему и будущему, всегда обнаруживает личностно-значимые события, видит смысл всего происходящего в его жизни. По их мнению, такая картина указывает на наличие у человека значимых достижений и успехов в жизни, определенных

ожиданий и целей в будущем, активность по достижению будущего в настоящем.

Как относительно упорядоченная во времени совокупность событий, являющихся на данном этапе жизненного пути основными ориентирами деятельности человека, будущее, с точки зрения Е.И. Головахи, может быть рассмотрено с помощью понятий жизненных целей и планов.

Подростковый возраст является непростым этапом в жизни каждого человека. И это связано со становлением личности. У молодого человека нарушается равновесие внутреннего мира, и это особенно ярко проявляется тогда, когда наступает юношеский возраст. В данный период возникает необходимость в самоопределении: профессиональном и личностном.

Переживания последствий у подростков, подвергшихся насилию в семье, приводят к серьезным трудностям социализации, развития, сохранения психологического здоровья. Как показывают результаты исследований, у данной группы подростков нарушены связи со взрослыми, нет соответствующих навыков общения со сверстниками, в связи с низкой самооценкой, также сужена временная перспектива, меняются смысловые связи, что приводит к угрозе здоровью и нормальному развитию. Решение своих проблем подростки-жертвы, как правило, физического, социального и психологического насилия – часто находят в криминальной, асоциальной среде, а это часто сопряжено с формированием у них пристрастия к алкоголю, наркотикам, они начинают воровать и совершать другие уголовно наказуемые действия.

Глава 2. Эмпирическое изучение субъективной картины жизненного пути подростков, переживших насилие в семье

2.1 Организация и методы эмпирического исследования

Данное исследование направлено на изучение особенностей СКЖП у подростков, переживших насилие в семье.

В процессе исследования решались следующие задачи:

1. Выявить особенности СКЖП подростков, переживших насилие в семье.
2. Оценить взаимосвязь между степенью травматизации и СКЖП подростка.
3. Разработать программу по изменению отношения к СКЖП подростков, переживших насилие в семье.

В исследовании приняли участие подростки 15–17 лет. Для проверки гипотезы были сформированы две выборки. Формирование выборки испытуемых было проведено методом *ex-post-facto*. Исследование проводилось по следующей схеме: выделялась выборка лиц, перенесших насилие в семье, далее с ними проводилось тестирование на предмет наличия психотравмирующего опыта, результаты были сопоставлены с результатами контрольной выборки.

В экспериментальную группу вошли 30 подростков, перенесших насилие в семье, поступивших на реабилитацию в центр социальной поддержки, в кризисное отделение для несовершеннолетних. У всех респондентов документально установлен факт наличия в прошлом опыте длительного семейного насилия, все респонденты прошли ПМПК, где комиссией, было установлено наличие у несовершеннолетних травматических переживаний после перенесенного стресса. Стрессовым состоянием считались ситуации, которые связаны с интенсивным насилием

и переживанием состояния фрустрации, лишением или затруднением в удовлетворении жизненно важных потребностей, дефицитом поддерживающих отношений (алкоголизация, уголовное или гражданско-правовое преследование, авторитарное или пренебрежительное отношение «значимых других») и «сопровождались чувством непреодолимого страха, беспомощности или ужаса» [21, с. 63]. Согласно справочнику по болезням (2012) неспецифические симптомы насилия выражаются в депрессии, нарушении сна, ночных кошмарах, проблемах в школе, самоунижении, нанесении себе травм и повреждений, наличии осознанных или неосознанных суицидальных попыток, ощущении подавленности, слабости, рассеянности, злобы, обиды, сильном постоянном дискомфорте (вплоть до физических ощущений), апатии и резком нежелании делать что-либо, в неконтролируемом и непреодолимом состоянии безысходности. Большинство описанных симптомов в той, или иной степени выражены у респондентов экспериментальной группы, что дает нам основания предполагать у опрошенных наличие той или иной степени травмы. С учетом того, что все опрошенные несовершеннолетние имеют в прошлом большое количество эпизодов психологического, физического и социального насилия в семье, мы можем предположить наличие связи между насилием и их уровнем соматических и эмоциональных жалоб и, соответственно, травмой.

Так же каждый подросток прошел осмотр у психиатра, где было установлено отсутствие каких-либо тяжелых психических нарушений. Общее количество респондентов экспериментальной группы составила 30 человек: 13 мальчиков и 17 девочек.

Для выявления особенностей была сформирована группа сравнения, которая состояла из 30 человек: 15 мальчиков и 15 девочек, – уравненных с экспериментальной группой по социально-демографическим показателям, не находящихся в реабилитационном центре и не обращавшихся за помощью. В связи с тем, что среди испытуемых контрольной выборки, не представляется

возможным, точно установить отсутствие длительного семейного, или какого либо еще насилия, первым этапом диагностики мы оценивали степень их травматизации. Нами были использованы методы диагностики посттравматического стрессового расстройства у детей: Гиссенская шкала, или Опросник соматических жалоб для оценки соматических последствий психологической травматизации. (Е. Брюхлер, Дж. Снер, 1968) и опросник депрессивности Бека для оценки негативных переживаний в прошлом, которые могут быть и результатом неустановленного насилия в семье (Аарон Т. Бек, 1961).

Для изучения особенностей субъективной картины жизненного пути были использованы методика изучения временной перспективы (Ф.Зимбардо, 1997), методика предельных смыслов Д.А. Леонтьева, а также «Психологическая автобиография» (Коржова Е.Ю., 1994).

Рассмотрим более подробно используемые методики.

Гиссенский опросник соматических жалоб предложен в 1967 году Е. Брюхлером и Дж. Снером. Методика стандартизировалась на населении Германии и пациентах психосоматического отделения Гиссенского университета. Гиссенский опросник соматических жалоб возник из необходимости иметь в распоряжении врача стандартный перечень физических жалоб. Однако психосоматический опросник (ПСО) – это не список симптомов, с помощью которого можно идентифицировать органическое заболевание. Для этой цели список жалоб должен быть значительно более детальным и иметь спецификацию для конкретной картины болезни. Область применения ПСО иная – речь идет о психосоматической обусловленности или взаимообусловленности физических недомоганий. Например, перечень недомоганий из шкалы «желудочные заболевания» совершенно недостаточен для характеристики соматической ситуации пациента. Эта шкала означает, прежде всего, что

пациент свои физические недомогания локализирует преимущественно в желудочно-кишечной области.

Гиссенский опросник психосоматических жалоб (Giesener Beschwerdebogen, GBV) представляет собой опросник, предназначенный для регистрации отдельных жалоб, комплекса жалоб и определения суммарной оценки их интенсивности.

GBV не является опросником симптомов соматических заболеваний, в нём перечислены лишь соматические симптомы, встречающиеся в картине психосоматических расстройств.

Опросник состоит из 57 пунктов – перечня жалоб, относящихся к таким сферам как общее самочувствие, вегетативные расстройства, нарушение функций внутренних органов. В опроснике отсутствуют чисто «психические» симптомы, так как для их регистрации имеется множество других опросников. Каждый из пунктов оценивается по 5-балльной шкале: от 0 (жалоба отсутствует) до 4 (жалоба выражена предельно сильно). Кроме того, есть возможность дополнительно указать не включённые в опросник жалобы и отметить степень общей обусловленности жалоб психическими и физическими факторами.

Опросник имеет 4 основных шкалы и одна суммарная. Каждая основная шкала включает в себя по 6 пунктов, суммарная шкала включает в себя все 24 пункта основных шкал. Остальные вопросы не соотносятся со шкалами.

Опросник депрессивности Бека для оценки эмоционального уровня психологической травматизации (Аарон Т. Бек, 1961).

Шкала депрессии Бека – это один из самых известных тестов, позволяющих определить степень тяжести депрессивного расстройства. Методика подходит как для взрослых, так и для подростков, а потому часто используется в практике школьного психолога.

Испытуемому выдается бланк для ответов, содержащий 21 группу утверждений об актуальном для него самочувствии. В каждой группе таких утверждений пациенту предлагается выбрать одно, наиболее ему подходящее. Все вопросы распределены по степени нарастания депрессивного симптома и обычно маркируются цифрами от 0 до 3. На выполнение теста испытуемому отводится 20 минут, но в случае тяжелого состояния обследуемого человека допускается увеличение времени.

Методика изучения временной перспективы (Ф.Зимбардо, 1997).

Включает в себя пять шкал, которые соответствуют пяти факторам. Пункты опросника (всего 56) представляют собой утверждения об идеальных представлениях, убеждениях. В инструкции респондентов просят указать насколько данное утверждение является для них характерным. Используется стандартная пятибалльная шкала: от «совершенно не характерного» (1 балл) до «очень характерного» (5 баллов).

Описание шкал:

1. Шкала «Негативное прошлое». Шкала отражает общее пессимистическое, негативное отношение к прошлому. Такое отношение может быть связано с реальными неприятными и травматическими событиями, с негативной реконструкцией событий, или с тем и другим вместе.

2. Шкала «Гедонистическое настоящее». Шкала отражает беззаботное и беспечное отношение ко времени и жизни, а также принятие рискованных решений, предполагает ориентацию на удовольствие, возбуждение, наслаждение в настоящем и отсутствие заботы о будущих последствиях, неспособность отказаться от получения удовольствия сегодня ради завтрашней награды.

3. Шкала «Будущее» отражает общую ориентацию на будущее. Ориентация на будущее предполагает, что поведение в большей степени определяется стремлениями к целям и вознаграждением и характеризуется

планированием и достижением последних. Испытуемые, ориентированные на будущее очень организованны, амбициозны, стремятся к цели. Они ощущают давление времени и готовы пожертвовать наслаждением в настоящем ради достижения своих карьерных целей.

4. Шкала «Положительное (позитивное) прошлое» отражает теплое сентиментальное отношение к прошлому, позитивную реконструкцию прошлого, что свидетельствует о здоровом взгляде на жизнь.

5. Шкала «Фаталистическое настоящее» раскрывает беспомощное и безнадежное отношение к будущему и жизни в целом. При такой ориентации отсутствует направленность на цель, респонденты с высокими баллами убеждены, что будущее предопределено и на него невозможно повлиять собственными действиями, его невозможно контролировать, а настоящее следует переносить с покорностью и смирением.

Методика предельных смыслов Д.А. Леонтьева (1999).

Методика предельных смыслов (МПС) была разработана автором в попытках найти новые, нетрадиционные подходы к эмпирическому изучению и диагностике таких трудно поддающихся анализу структур субъективной реальности, как динамические смысловые системы сознания. В методике был воплощен сравнительно новый методический прием изучения смысловых систем через их отражение в индивидуальном мировоззрении.

Д.А. Леонтьев определял ДСС как «...относительно устойчивую и автономную иерархически организованную систему, включающую в себя ряд разноуровневых смысловых структур и функционирующих как единое целое»[34, с. 241]. Б.С. Братусь также говорит о сложной динамической системе, образующей особую смысловую сферу личности и обуславливающей всю жизнедеятельность человека [8, с. 56].

Методика предельных смыслов, разработанная Д.А. Леонтьевым, позволяет изучать динамическую смысловую систему. В данной методике

воплощен прием изучения динамических смысловых систем через их отражение в индивидуальном мировоззрении.

Мировоззренческие структуры, выявляемые с помощью методики предельных смыслов, являются проекцией в плоскость сознания динамических смысловых систем, образующих содержательно-смысловой уровень структуры личности. Данные о развитии творческого потенциала личности и общего уровня самоактуализации интересны в сравнении с результатами методики предельных смыслов.

Методика предельных смыслов позволила выявить соотношение категорий жизненных смыслов у испытуемых в каждой из групп.

Также в данной работе использована психодиагностическая методика исследования жизненного пути личности **Е.Ю. Коржовой «Психологическая автобиография»** (1994).

Данная методика была разработана для оценки ситуационных особенностей жизненного пути личности. Методика позволяет выявить особенности восприятия значимых жизненных событий в жизни человека. Называя значимые события своей жизни, человек преломляет их через свое «Я». Таким образом, методика предоставляет возможность изучить наиболее существенно связанные с личностью особенности восприятия ситуаций, особенности психологической среды или субъективных ситуаций в жизни человека. Направленность методики на исследование жизненного пути, способы интерпретации количественных показателей позволяют отнести «Психологическую автобиографию» к методикам событийно-биографического подхода.

Данная методика сохраняет достоинства индивидуально ориентированного анамнеза. Но, несмотря на внешнее сходство с другими автобиографическими методиками, она существенно отличается от них.

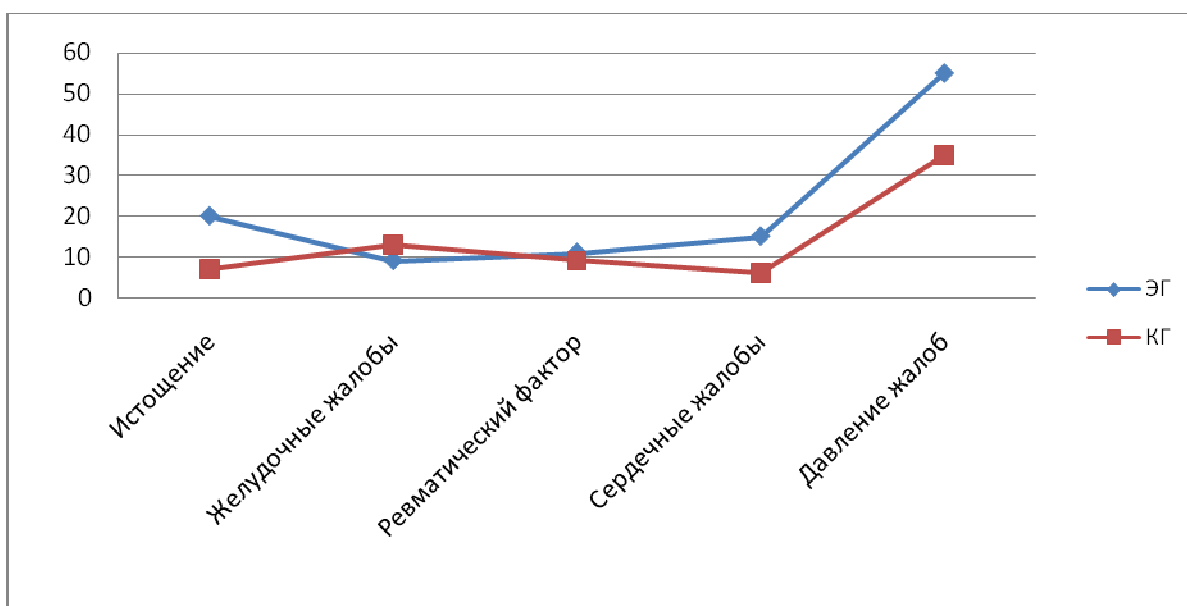
Изначально нами проводились методики, первого блока, определяющие уровень драматизации подростков, далее, диагностировался уровень СКЖП.

После проведения методик был проведен анализ полученных результатов с использованием методов математической статистики критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ Спирмена. Рассмотрим полученные результаты.

2.2 Анализ особенностей субъективной картины жизненного пути подростков, перенесших насилие в семье

На первом этапе была проведена проверка выраженности соматических проявлений последствий психологической травматизации.

Представим результаты исследования по опроснику Гиссенская шкала на рисунке 1.

ЭГ – экспериментальная группа, КГ – контрольная группа

Рис. 1. Средние значения шкал Гиссенского опросника в двух выборках

На данном рисунке мы можем более четко видеть повышенный показатель по шкале истощение и по шкале давление жалоб в экспериментальной группе. Контрольная группа демонстрирует высокий уровень желудочных жалоб.

Шкала давление жалоб характеризует общую интенсивность жалоб, «ипохондричность» не в традиционном понимании этого термина, а с точки зрения психосоматического подхода – как «давление жалоб».

Таким образом, подростки, пережившие насилие в семье, чаще всего испытывают ощущение потери жизненной энергии, и чувствуют потребность в помощи со стороны окружающих, им свойственна некоторая ипохондричность.

В то время как подростки контрольной группы, часто испытывают выраженные нервные (психосоматические) желудочные недомогания.

Следующей методикой, которую мы рассмотрим, является Опросник депрессивности Бека для оценки эмоционального уровня психологической травматизации.

С помощью метода Манна-Уитни установим статистическую значимость различий полученных данных.

Рассмотрим ниже шкалы, опросника Бека, показывающие способы проявления депрессивных расстройств у опрошенных.

Таблица 1

Среднегрупповые значения и оценка различий по дополнительным шкалам опросника Бека в двух выборках

Шкалы	ЭГ	КГ	<i>U</i>	<i>p</i>
Когнитивно-аффективная субшкала	22	6	41,5	0,001
Субшкала соматических проявлений депрессии	19	7	41	0,001

Средний показатель по когнитивно-аффективной шкале у экспериментальной группы равен 22, что является достаточно высоким

результатом, особенно в сравнении с показателем по этой шкале у контрольной группы.

Уровень соматических проявлений депрессии, у экспериментальной группы находится на уровне 19, что несколько ниже, чем по предыдущему показателю, однако находятся на высокой отметке. В сравнении с тем же показателем, среди опрошенных контрольной группы, чей уровень соматических проявлений депрессии, находится на уровне 7. Различия по данной шкале значимы и достоверны.

Наиболее выраженными проявлениями у экспериментальной выборки стали когнитивно-аффективные проявления депрессии.

Однако по шкале соматических проявлений так же уровень высок, они проявляются в расстройствах сна, нарушении аппетита, снижении влечений, падение общего уровня энергии.

Данный результат по шкале соматических проявлений подтверждает полученные выше результаты Гиссенской шкалы соматических жалоб, в которой у экспериментальной группы были ярко выражены признаки истощения.

Таким образом, говоря о контрольной группе, мы можем заметить практически полное отсутствие депрессивных проявлений, психосоматические жалобы находятся в норме для данного возраста, на этом основании мы можем говорить об отсутствии глубокой психологической травмы в прошлом опыте респондентов, что, соответственно, позволяет нам, рассматривать данную группу в качестве группы сравнения для подростков, перенесших насилие в семье.

Соматические последствия психологической травматизации у подростков, перенесших насилие, проявляются в ощущениях потери жизненной энергии, они чувствуют потребность в помощи со стороны окружающих, для них характерны расстройства сна, нарушение аппетита, снижении влечений, свойственна некоторая ипохондричность.

Респондентам экспериментальной группы свойственно испытывать печаль, подавленный гнев, чувство вины, чувство стыда, нерешительность, сомнения в правильности принятого решения, или неспособность принять какое-либо решение из-за того, что каждое из них содержит нежелательные последствия и не является идеальным, представление любой проблемы как грандиозной и непреодолимой, постоянная самокритика, нереалистичные самообвинения, пораженческие мысли.

Согласно международным стандартам неспецифические симптомы насилия выражаются в депрессии, нарушении сна, ночных кошмарах, проблемах в школе, самоунижении, нанесении себе травм и повреждений, наличии осознанных или неосознанных суицидальных попыток, ощущении подавленности, слабости, рассеянности, злобы, обиды, сильном постоянном дискомфорте (вплоть до физических ощущений), апатии и резком нежелании делать что-либо, в неконтролируемом и непреодолимом состоянии безысходности. Большинство описанных симптомов в той, или иной степени выражены у подавляющего большинства респондентов экспериментальной группы, что дает нам основания предполагать у опрошенных наличие той или иной степени травмы. С учетом того, что все опрошенные несовершеннолетние имеют в прошлом большое количество эпизодов психологического, физического и социального насилия в семье, мы можем предположить наличие связи между насилием и уровнем соматических и эмоциональных жалоб и, соответственно, травмой.

На втором этапе были проведены методики, направленные на изучение особенностей СКЖП. Рассмотрим результаты по методике изучения временной перспективы (Ф.Зимбардо). Представим результаты в таблице 2.

Таблица 2

Результаты методике изучения временной перспективы (Ф.Зимбардо) среди контрольной и экспериментальной выборки

Шкалы	ЭГ	КГ	<i>U</i>	<i>p</i>
Негативное прошлое	10	2	7,5	0,001
Гедонистическое настоящее	12	10	247	0,05
Будущее	3	7	115,5	0,01
Позитивное прошлое	5	9	86	0,001
Фаталистическое настоящее	7	3	99	0,001

Согласно полученным данным по шкале фактор восприятия негативного прошлого (выражает степень неприятия собственного прошлого, вызывающего отвращение, полного боли и разочарований.) респонденты экспериментальной группы набрали в среднем 10 баллов, данный показатель является максимальным по данной шкале. Контрольная группа, по данной шкале набрала всего два балла.

По шкале позитивного прошлого (выражает степень принятия собственного прошлого, при котором любой опыт является опытом, способствующим развитию и приведшим к сегодняшнему состоянию) среди опрошенных экспериментальной группы средний показатель 5, это средний показатель. Контрольная группа набрала при этом 9, что является более высоким показателем для опрошенных.

По шкале гедонистического настоящего (при этом настоящее видится оторванным от прошлого и будущего, единственная цель – наслаждение.), среди опрошенных экспериментальной группы находится на уровне 12, при этом у контрольной группы показатель 10. Данные показатели являются средними для данного фактора.

Фактор фаталистического настоящего (настоящее видится независимым от воли личности, изначально предопределённым, а личность – подчинённым судьбе) показывает, что в экспериментальной группе

респонденты набрали средний балл 7, в то время, как контрольная набрала 3, что является низким уровнем. Полученное эмпирическое значение $U_{эм} = 86$, $p < 0,001$.

Шкала степени ориентации на будущее (выражает наличие у личности целей и планов на будущее) показывает, что среди опрошенных экспериментальной группы средний балл 3, а среди опрошенных контрольной группы средний балл 7.

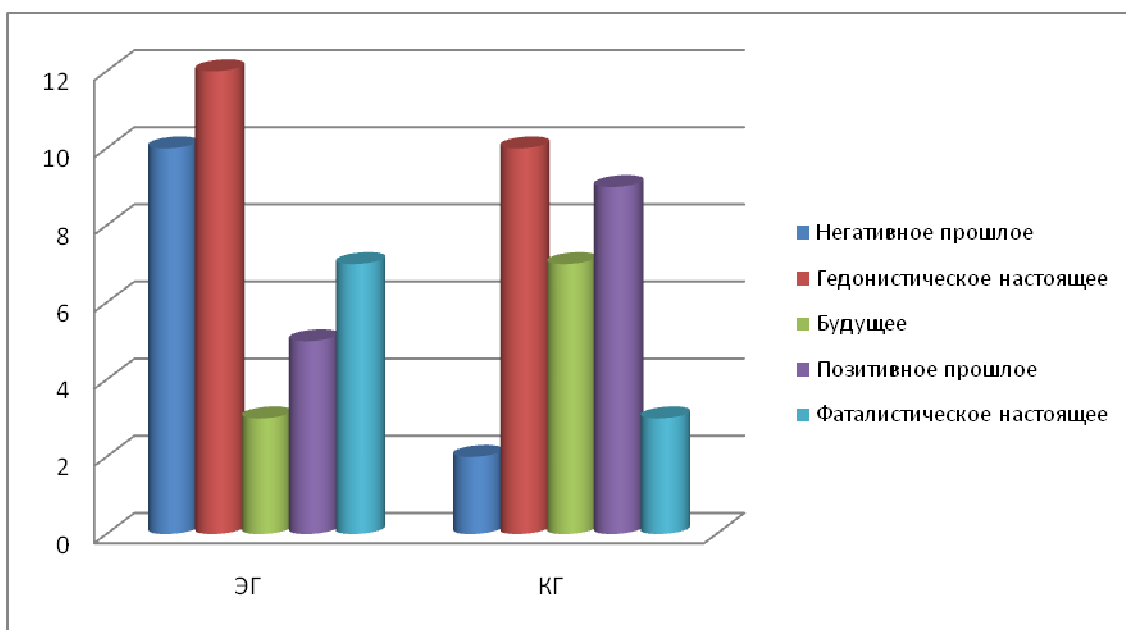

Рис. 2. Результаты изучения временной перспективы по методике Ф.Зимбардо для контрольной и экспериментальной выборки

Для испытуемых экспериментальной выборки свойственна высокая степень неприятия собственного прошлого, вызывающего отвращение, полного боли и разочарований.

Настоящее видится им оторванным от прошлого и будущего, единственная цель – наслаждение, что в целом свойственно подростковому возрасту. Однако респондентам экспериментальной выборки настоящее видится независимым от воли личности, изначально predetermined, а личность – подчинённым судьбе, соответственно не наблюдается целей и планов на будущее.

Для испытуемых контрольной выборки свойственно высокая степень приятия собственного прошлого, при котором любой опыт является опытом, способствующим развитию и приведшим к сегодняшнему состоянию.

Для испытуемых контрольной выборки свойственно высокая степень приятия собственного прошлого, при котором любой опыт является опытом, способствующим развитию и приведшим к сегодняшнему состоянию.

Настоящее также видится им оторванным от прошлого и будущего, но при этом, респондентам настоящее видится зависимым от воли личности, они чувствуют свою силу и способность распоряжаться жизнью, а также активно строят планы на будущее.

Выделив в качестве одной из составляющих СКЖП смысловые связи, в связи с чем мы провели методику предельных смыслов Д.А.Леонтьева.

На основе детального анализа данных в зависимости от содержания были выделены особенности смысловой сферы подростков экспериментальной и контрольной выборки.

Оценка результатов проводилась на основе показателей, выделенных автором: индекс децентрации, который показывает удельный вес в индивидуальном протоколе категорий, субъектом действия в которых выступают другие люди. Индекс децентрации соответствует тому, в какой степени для субъекта собственное Я выступает абсолютным смысловым центром мира.

Индекс рефлексивности – удельный вес категорий, описывающих не практическое действие, а психическое отражение. К рефлексивным категориям относятся только те, где указано (даже в самом общем виде) содержание соответствующих ментальных процессов. Индекс рефлексивности назван Д.А. Леонтьевым условно. Категории, которые характеризуются как рефлексивные, не обязательно имеют отношение к рефлексии в строгом смысле этого слова. Общий объединяющий их признак – это то, что все они описывают те или иные акты сознания в широком

смысле слова, как собственно интеллектуально-рефлексивные (знать, понимать, сознавать), так и непосредственно-чувственные (чувствовать, ощущать, помнить, не забывать). Их присутствие интерпретируется как развитость внутреннего мира, осознание собственного ментального функционирования.

Индекс негативности, который определяется как удельный вес категорий, выражающих прямое отрицание, при этом Д.А. Леонтьев не относил к негативным те категории, в которых отрицание не выражено грамматически, хотя по смыслу оно может и присутствовать. Индекс негативности отражает гомеостатическую ориентацию личности.

Среднее значение индекса децентрации по данной методике у подростков контрольной группы составило 3. Это говорит о том, что подростки рассматривают свою жизнь в контексте жизней других людей и во взаимосвязи с ними. Однако децентрированные категории не встретились нам в протоколах обследования трёх подростков контрольной группы. Как отмечает Д.А. Леонтьев, это не такая уж и редкость, когда в норме у человека, для абсолютно зрелой личности встречаются протоколы, в которых не присутствует ни одна децентрированная категория [34, с. 24].

Изучив протоколы обследования экспериментальной группы, получились следующие результаты. Среднее значение индекса децентрации по данной методике у подростков экспериментальной группы составило 2. Присутствие категорий такого рода, как уже говорилось ранее, это свидетельство того, что человек рассматривает свою жизнь в контексте жизни других людей и во взаимосвязи с ними.

Среднее значение индекса рефлексивности контрольной группе составило 5, что является довольно низким показателем. Это может говорить нам о том, что испытуемые не застревают на этапе обдумывания решения, что у них нет трудностей при переходе от замысла к воплощению. Отсутствие категорий такого рода нами не наблюдалось.

У испытуемых, экспериментальной группы, среднее значение индекса рефлексивности составило 8. Это может свидетельствовать о чрезмерной интеллектуализации действия, «застревания» на стадии планирования и обдумывания и наличия трудностей в переходе от замысла к воплощению.

Среднее значение индекса неготовности у испытуемых, контрольной группы составило 0 баллов. Это может свидетельствовать о том, что наши одарённые испытуемые не стремятся уходить от проблем, не склонны к ограничению своей активности без видимых на то причин.

Обобщая результаты можно сделать вывод, что большая часть респондентов экспериментальной группы проявляют склонность к застреванию на этапе обдумывания, и стремлению уходить от проблем, при этом респонденты рассматривают свою жизнь в контексте жизни других людей и во взаимосвязи с ними.

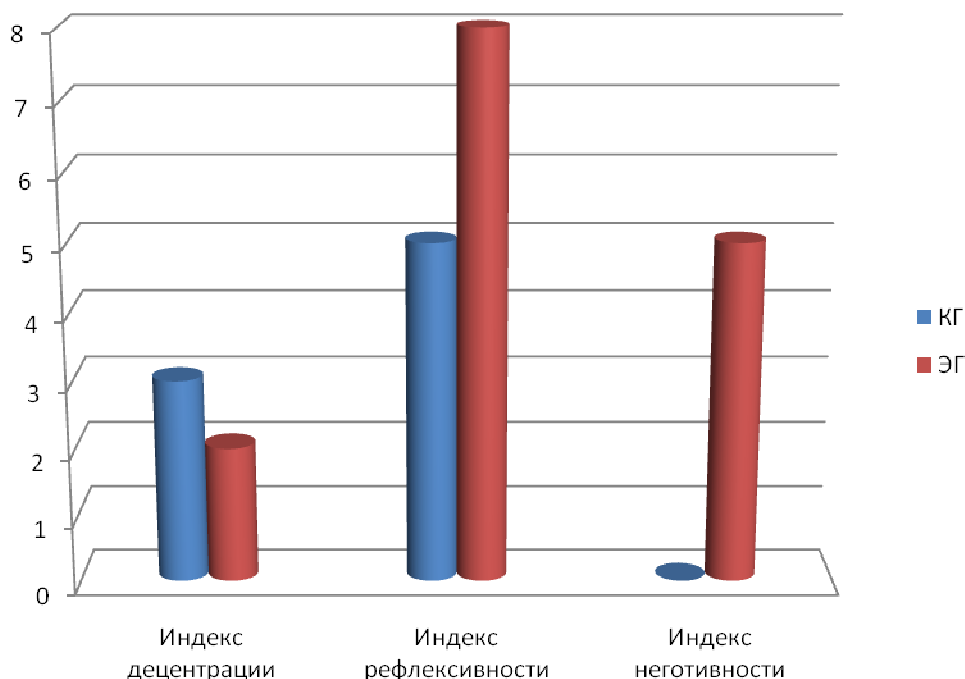

Рис. 3. Средние значения индексов по методике МПС Д.А. Леонтьева

Изучив «древя» ответов испытуемых по методике предельных смыслов Д.А. Леонтьева, мы получили следующие результаты.

Для описания качественного анализа по методике предельных смыслов были использованы характеристики, предложенные Б.С.Братусем для раскрытия содержания уровней развития смысловой сферы личности. Мы исходили из того, что в подростковом возрасте система смыслов приобретает определенную структурную и содержательную завершенность: в ней могут быть сформированы смыслы самого высокого уровня (по Б.С.Братусю).

На основе детального анализа данных в зависимости от содержания были выделены следующие особенности смысловой сферы подростков.

1. Эгоцентрический тип смысловой сферы подростков характеризуется генерализованными смыслами, связанными с доминирующей эгоцентризацией сознания, например: «чтобы мне было хорошо», «чтобы я мог развиваться», «чтобы иметь компьютер».

Показателями принадлежности к данному типу смысловой сферы подростков являются: эгоцентрический способ осмысления действительности (через свои интересы, выгоды, потребности, стремления), доминирующая актуализация эгоцентрических смыслов, эгоцентрический характер предельных смыслов, наличие смысловых узлов эгоцентрической направленности, низкие или нулевые показатели по индексам децентрации. Характерно, что если в пределах одной смысловой цепи появляются группоцентрические или просоциальные смыслы, то завершается цепь эгоцентрическим смыслом. Например: «зачем звонить по телефону»? – «чтобы мама не волновалась» (группоцентрический смысл) – «чтобы давала деньги на карманные расходы» (предельный эгоцентрический смысл).

Таким образом, мы можем наблюдать преобладание эгоцентрического типа смысловой сферы среди респондентов экспериментальной группы. При этом достаточно выражена эгоцентрическая мораль, а также более чем у половины выборки доминирует эгоцентрическая направленность жизненной перспективы.

Таблица 3

Представленность основных показателей эгоцентрического типа смысловой сферы в исследуемых выборках

Показатели эгоцентрического типа смысловой сферы подростков	% от общего числа испытуемых	
	ЭГ	КГ
Доминирующий уровень смысла у подростков	71	32
Эгоцентрическая мораль «ты мне – я тебе», «ситуативная выгода», «страх наказания»	47	11
Эгоцентрическая направленность жизненной перспективы «чтобы я в будущем был богатым», «счастье», «чтобы у меня в жизни все получалось», «чтобы меня любили»»	57,9	30

Контрольная группа демонстрирует гораздо более низкие значения по данному уровню смысла, более чем в два раза. При этом большая часть опрошенных ориентирована на эгоцентрическое будущее, моральные ценности выражены всего лишь у 11%.

2. Группоцентрический тип смысловой сферы подростков характеризуется осмыслением мира через значимость референтного окружения, его норм и ценностей, качества общения, принятия в общении, группового членства. Этому типу свойственно преобладание группоцентрических смыслов, смысловые узлы группоцентрической направленности и сравнительно высокие показатели по группоцентрической децентрации; группоцентрические смыслы («чтобы иметь верных друзей», «чтобы меня уважали» и т.п.) являются предельными.

Здесь мы можем наблюдать обратную, предыдущей таблице, картину. Более половины респондентов контрольной группы имеют доминирующий уровень смысловой сферы – групповой. Гораздо более низкий уровень демонстрируют респонденты экспериментальной группы.

Таблица 4

Представленность основных показателей группоцентрического типа
смысловой сферы в исследуемых выборках

Показатели группоцентрического типа смысловой сферы подростков	% от общего числа испытуемых	
	ЭГ	КГ
Доминирующий уровень смысла у подростков	25	62
Группоцентрическая мораль «чтобы те друзья, которые сейчас, остались навсегда», «чтобы меня понимали», «чтобы мне доверяли»	14	41
Группоцентрическая направленность жизненной перспективы «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших и верных друзей» «любовь»	23,5	32,5

3. Смысловые сферы просоциального типа характеризуются особенностью содержания генерализованных смыслов, связанных с доминированием или высокой степенью значимости просоциальной центрации сознания («чтобы человеческий род не исчез», «чтобы принести пользу людям»), средними и высокими показателями подлинной децентрации, смысловыми узлами просоциального содержания.

Таблица 5

Представленность основных показателей просоциального типа смысловой
сферы в исследуемых выборках

Показатели просоциальной направленности личности	% от общего числа испытуемых	
	ЭГ	КГ
Значимая актуализация просоциальных смыслов	4	6
Просоциальная мораль «чтобы все были счастливы», «чтобы люди жили в мире без войны»	3	10
Просоциальная направленность жизненной перспективы «жить вечно в своих потомках», «быть частью живой материи Вселенной», «дарить жизнь».	2,5	6,5

Здесь мы можем наблюдать крайне низкий уровень показателей в обеих выборках, что связано, вероятно, с возрастными особенностями.

Максимальный уровень набрала контрольная группа по показателю просоциальная мораль, однако, сравнивая с вышеописанными типами, уровень крайне низок.

Просоциальный тип и духовные (эсхатологические) смыслы (Б.С.Братусь) на базе подростковой выборки почти не зафиксированы. Эти смыслы связаны с осмыслением себя и других людей как сопричастных Богу (безотносительно к конкретной религии) как носителей вечного: жизни, ценностей и т.п., Духовные смыслы в разной мере могут сочетаться с любыми другими смыслами, они могут быть разного порядка и их прочтение зависит от контекста смысловой сферы, внутри которой они существуют. Эмпирическое исследование показало, что у подростков духовные смыслы редко бывают предельными.

Структурный анализ исследуемых групп выявил между ними значимые различия практически по всем параметрам методики предельных смыслов.

Таблица 6

Сравнительный анализ данных между экспериментальной и контрольной группой по методике МПС

Параметр	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Предельные категории	8,60	11,03
Узловые категории	2,30	6,03
Индекс связности	103,73	106,93
Абсолютное число всех категорий	20,26	41,50
Средняя длина цепей	105,73	119,13
Продуктивность	106,63	126,40

Полученные результаты свидетельствуют, что степень иерархизированности и разнообразия жизненных смыслов (показатели «предельные и узловые категории», указывающие на «разветвленность» смыслового «дерева» и «индекс связности», описывающий связность мировоззренческих представлений) выше во второй группе. По структуре полученных «деревьев» можно заключить, что у подростков контрольной группы выявлена более содержательно дифференцированная смысловая структура. Для подростков, экспериментальной группы, напротив, характерна фрагментарность и мозаичность ценностных ориентаций.

Следует также отметить, что испытуемые контрольной группы отличаются большей сформированностью мировоззрения и ценностно-смысловой сферы. Об этом свидетельствует более протяженная длина смысловых цепочек, которая включает в себя большее число отчетов.

Содержательный анализ результатов проводился по трем направлениям:

- содержательный анализ предельных и узловых смыслов в выборках контрольной и экспериментальной группы;
- качественное своеобразие смысловых цепочек по методике МПС;
- сравнительный анализ взаимосвязей «предельные и узловые категории».

Особый интерес представляет анализ особенностей поведения испытуемых в ситуации исследования. Так, в процессе обсуждения смысловых связей в контрольной группе более полно вскрывались глубинные механизмы объяснения окружающей действительности по сравнению с экспериментальной группой.

В результате интенсивных размышлений респонденты нередко осуществляли своеобразный «прорыв» и находили новое обоснование предельным смыслам.

При этом они проявляли живой интерес к собственным результатам, пытались их качественно осмыслить и включить в структуру собственного мировоззрения.

При проведении методики МПС в экспериментальной группе часто возникала реакция протеста, имели место высказывания о бессмысленности, трудности и ненужности подобных процедур.

Часто возникали затруднения в нахождении предельных смыслов, практически не удавалось подвести испытуемых к возможности проявления «смыслового катарсиса», что говорит об определенных затруднениях в рефлексивной деятельности.

Качественный анализ смысловой сферы личности в обеих группах показал, что между ними существуют различия по наличию в смысловом поле категорий самореализации.

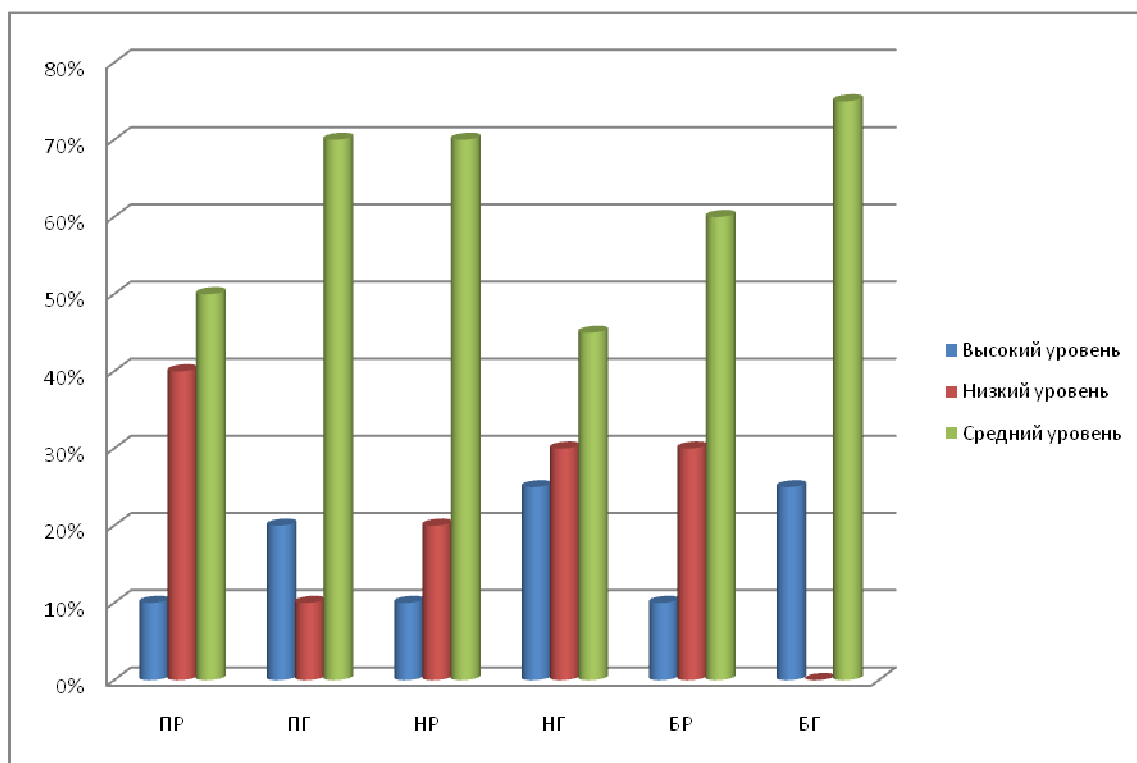
В смысловое поле контрольной группы (практически у всех испытуемых) входят категории, близкие по смысловому содержанию к понятиям «самореализация», что позволяет говорить о сформированной развитой потребности в самоактуализации. Категории, часто встречающиеся в предельных и узловых смыслах респондентов, можно объединить в своего рода триаду «комфорт–надежность–стабильность». Эти понятия на уровне предельных и узловых смыслов, как правило, подкреплены взаимосвязью с категориями «развитие», «активность». Можно сказать, что на уровне смысловых категорий у респондентов существует прямая связь между понятиями «комфорт» и «активность» и их синонимами.

В смысловом поле экспериментальной группы категории самореализации встречаются редко, но встречаются категории, связанные с применением силы или страха наказания, причем направленную и на себя, и на окружающий мир, такие как «что б быть сильнее», «что б все отстали», «что б не трогали», «что б не получить».

В предельных смыслах экспериментальной группы часто встречаются категории «просто жить», «жить ради жизни», «жить ради того, чтобы жить», что характеризует пассивную позицию.

Методика Е.Ю. Коржовой «Психологическая автобиография» позволила оценить ситуационные особенности жизненного пути личности и выявила особенности ее восприятия наиболее важных событий в жизни. В предлагаемом исследовании анализ событийных «прошлого», «будущего» и «настоящего» проводился отдельно, что дало возможность сравнить их содержание.

Рассмотрим ниже показатели у респондентов экспериментальной группы.

Условные обозначения:

Пр – прошедшие радостные события;

Пг – прошедшие грустные события;

Нр – настоящие радостные события;

Нг – настоящие грустные события;

Бр – будущие радостные события;

Бг – будущие грустные события.

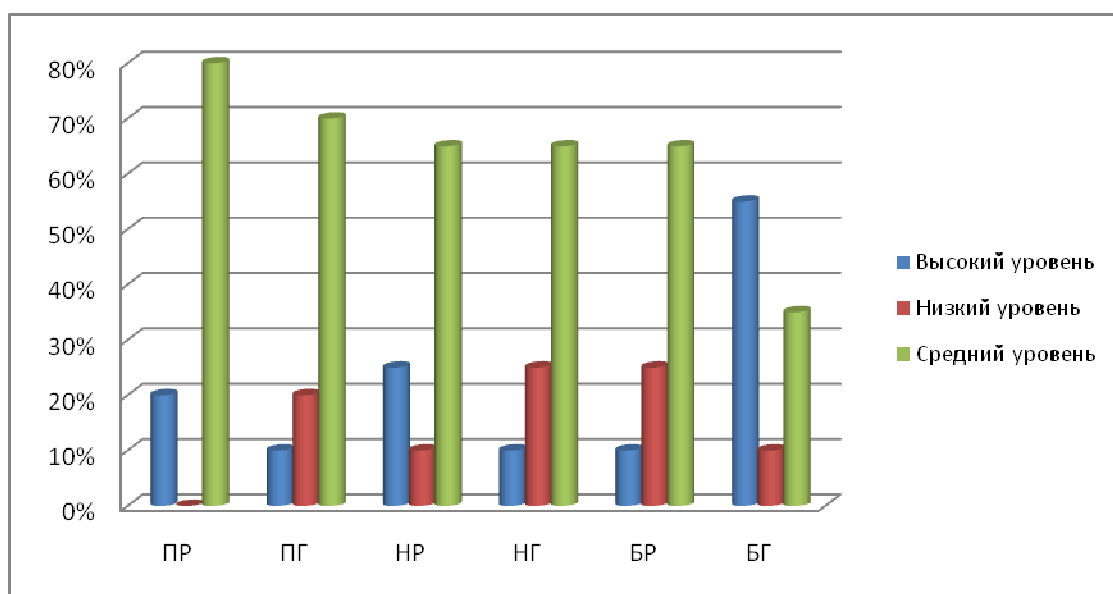
Рис. 4. Распределение уровня эмоциональной нагрузки жизненных событий подростков экспериментальной группы

В результате диагностики «веса» жизненных событий на выборке подростков, экспериментальной группы были получены следующие данные:

1. Большинство подростков оценивают уровень своих эмоциональных переживаний радостных и грустных событий в прошлом, в настоящем и будущем как средний (от 40 до 75% по различным видам событий).

2. Сильнее всего они переживают грустные события в настоящем (25%) и наступление грустных событий в будущем (25%).

3. Менее всего эмоциональную нагрузку несут радостные события в прошлом (40%).

Условные обозначения:

Пр – прошедшие радостные события;

Пг – прошедшие грустные события;

Нр – настоящие радостные события;

Нг – настоящие грустные события;

Бр – будущие радостные события;

Бг – будущие грустные события.

Рис. 5. Распределение уровня эмоциональной нагрузки жизненных событий подростков контрольной группы

По результатам диагностики «веса» жизненных событий на выборке подростков контрольной группы можно выделить следующие закономерности:

1. По всем видам событий, кроме будущих радостных событий, преобладает средний уровень эмоциональных переживаний (от 65 до 90%).

2. Наибольшие эмоциональные переживания вызывают будущие радостные события (55%). Второе место по выделенному параметру занимают радостные события в настоящем (25%).

3. Менее всего эмоциональную нагрузку несут грустные события в прошлом (20%) и у 25% подростков – грустные события в настоящем.

Таким образом, у респондентов контрольной группы выше общая продуктивность, значимость всех названных событий, количество прошлых событий, количество грустных событий в прошлом, общее количество и вес будущих событий, количество и вес радостных событий в будущем, что свидетельствует о их большей легкости в актуализации образов прошлого и будущего, и, может быть, о их большей социальной адаптированности.

Количество прошлых событий у респондентов контрольной группы превысило количество будущих, значит, прошлое оказывают большее влияние на жизнь испытуемых, чем пока еще неопределенное будущее.

Значительное преобладание радостных событий, как в прошлом, так и в будущем, свидетельствует о вытеснении по механизму психологической защиты психотравмирующих переживаний.

Иерархии типов событий по частоте встречаемости у респондентов одинаковы. В прошлом чаще всего встречались события личностно-психологического типа, затем события биологического типа, связанные с травмами, болезнями, смертью и рождением близких людей, затем – события, связанные с изменением социального статуса, чаще всего, это смена учебного заведения.

В будущем подростки тоже чаще всего указывали события личностно-психологического типа, следующие по частоте встречаемости – события, связанные с изменением социального статуса, – устройство на работу, создание семьи, вступление в брак, рождение детей и, лишь затем, – события

биологического типа, связанные со здоровьем испытуемых, их родных и близких. Будущие события у респондентов контрольной группы имеют более выраженный личностно-психологический характер, чем у экспериментальной ($p=0,09$), значит респонденты контрольной группы больше ориентированы на себя и значимые для себя межличностные отношениями, чем респонденты экспериментальной.

В прошлом экспериментальная группа чаще вспоминала события, связанные с учебой (окончил учебный год без троек), межличностными отношениями (ссора с другом), и события, связанные с личностью испытуемых (мне купили компьютер). Контрольная – события, связанные с их "Я", (первая моя любовь), межличностными отношениями (помирилась с парнем), родительской семьей (папа в больнице, бабушке сделали операцию).

В будущем испытуемые чаще указывали события, связанные с учебой, далее – события, связанные с личностью испытуемых, и затем следуют события, связанные с межличностными отношениями.

Для выявления взаимообусловленности событийных «прошлого» и «будущего» был проведен корреляционный анализ данных по группам, из которого следует:

респонденты экспериментальной группы более чем контрольная осознают, что в будущем их ждут трудности, и не рассчитывают на помощь и поддержку родительской семьи и общества, они уверены, что без материальной поддержки им не достичь желаемого качества жизни;

работа – самая значимая цель для респондентов экспериментальной группы, они частично осознают трудности, которые возникнут при устройстве на работу. Для респондентов контрольной группы основная цель в будущем – семья и дети;

у респондентов контрольной группы прошлые события взаимосвязаны с будущими событиями, то есть их представление о будущем опирается на

прошлый опыт. У респондентов экспериментальной группы таких связей не выявлено.

Итак, психологическая автобиография испытуемых складывается, в основном, из радостных событий личностно-психологического типа. Но респонденты экспериментальной группы в целом декларируют более интернальную позицию по отношению к будущему, чем респонденты контрольной группы.

Чтобы увидеть СКЖП как единое образование, его внутреннюю структуру мы провели корреляционный анализ индексов смысловой сферы, временной перспективы и показателей автобиографии.

Нами был проведен корреляционный анализ, при этом использовался критерий Спирмена. При этом были отдельно рассмотрены взаимосвязи между переменными на выборке подростков контрольной и экспериментальной группы. Результаты приведены в таблице 7 и 8.

Таблица 7

Основные взаимосвязи между индексов смысловой сферы, временной перспективы и показателей автобиографии респондентов контрольной группы

№	Переменная 1	Переменная 2	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
1	Переживание прошлых радостных событий	Позитивное прошлое	0,444	0,05
2		Индекс негативности	-0,448	0,05
3		Гедонистическое настоящее	0,454	0,05
4	Переживание настоящих грустных событий	Фаталистическое настоящее	-0,461	0,05
5		Индекс рефлексивности	0,532	0,01

Согласно результатам корреляционного анализа, проведенного на выборке подростков перенесших насилие в семье, существуют следующие взаимосвязи:

1. Показатель «переживание прошлых радостных событий» имеет взаимосвязь со степенью восприятия позитивного прошлого ($r=0,444$; $p=0,05$) и индексом негативности ($r=-0,448$; $p=0,05$), а также с показателем гедонистическое настоящее ($r=0,454$; $p=0,05$). Следовательно, переживание прошлых радостных событий тем сильнее и позитивнее, чем позитивнее воспринимается прошлое, и чем более радостно, воспринимается настоящее, и проживается одним днем. При этом подростки не склонны уходить от проблем и ограничивать свою активность.

2. Показатель «переживание настоящих грустных событий» взаимосвязан со степенью фаталистического настоящего ($r=0,461$; $p=0,05$) и индекса рефлексивности ($r=0,532$; $p=0,01$). Это означает, что при восприятии настоящего как фатального, и повышении рефлексивности переживание грустных событий, происходящих в настоящий момент, будет более интенсивным и эмоциональным.

Таким образом, проведение корреляционного анализа на выборке подростков контрольной группы позволило установить, что существует определенная общая картина СКЖП и заключается она в следующем: чем позитивней переживаются прошлые жизненные события, тем свободней ощущается настоящее, и тем меньше ставится внутренних ограничений, при этом грустные события переживаются фаталистично, но вместе с тем достаточно рефлексивно, что дает возможность приобретать новый опыт и жизненные уроки.

Основные взаимосвязи среди выборки подростков,
переживших насилие в семье

№	Переменная 1	Переменная 2	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
1	Переживание прошедших грустных событий	Индекс негативности	-0,613	0,01
2		Прошедшие грустные события	0,61	0,01
3		Негативное прошлое	0,457	0,05
4	Переживание будущих радостных событий	Фаталистическое настоящее	0,494	0,05
5		Гедонистическое настоящее	0,563	0,01
6	Переживание будущих грустных событий	Индекс рефлексивности	-0,504	0,05
7		Негативное прошлое	0,673	0,01

На выборке подростков контрольной группы были получены следующие взаимосвязи:

1. Переживание прошедших грустных событий взаимосвязано с показателями «индекс негативности» ($r=-0,613$; $p=0,01$), «Прошедшие грустные события» ($r=0,610$; $p=0,01$) и «Негативное прошлое» ($r=0,457$; $p=0,05$). Это означает, что, чем интенсивнее подросток переживает прошлые грустные события, тем более он ограничивает себя, и тем негативней воспринимает свое прошлое.

2. Показатель «переживание будущих радостных событий» взаимосвязан со степенью проживания фаталистического настоящего ($r=-0,494$; $p=0,05$) и гедонистического настоящего ($r=-0,563$; $p=0,01$). Здесь складывается любопытное противоречие, чем более интенсивно и эмоционально подросток будет переживать радостные события, которые произойдут в будущем, тем более фаталистично он осознает свое настоящее, и одновременно, тем сильнее он старается жить настоящим, одним днем.

3. Переживание будущих грустных событий имеет взаимосвязь с индексом рефлексивности ($r=-0,504$; $p=0,05$) и негативным прошлым ($r=-0,673$; $p=0,01$). Это означает, что чем подросток менее рефлексивен к себе, и чем негативней воспринимает свое прошлое, тем менее интенсивно и позитивно он будет переживать грустные события в будущем.

Таким образом, проведение корреляционного анализа наличие взаимосвязи, позволяет утверждать, что общая картина СКЖП подростка экспериментальной группы заключается, с одной стороны, в переживании грустного, негативного прошлого, которое ведет к собственному самоограничению, в амбивалентном отношении к будущим радостным событиям жизни, заключающимся в неоднозначной окраске настоящего, фаталистичного и гедонистичного одновременно, а также в сниженной способности к рефлексии при проживании будущих грустных событий, и усиленном восприятии собственного прошлого, как негативное.

Говоря коротко, подростки экспериментальной группы крайне негативно проживают прошлые события, не чувствуют уверенности в настоящем, а к будущим негативным событиям относятся малорефлексивно, а значит, с учетом негативного проживания прошлого.

В целом, по результатам проведенного сравнительного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Соматические последствия психологической травматизации у подростков, перенесших насилие, проявляется в ощущении потери жизненной энергии. Они чувствуют потребность в помощи со стороны окружающих, расстройствах сна, нарушении аппетита, снижении влечений, им свойственна некоторая иппохондричность.

2. Эмоциональный уровень психологической травматизации у подростков, перенесших насилие, проявляется в умеренном уровне депрессии. И полном её отсутствии у контрольной группы. При этом респондентам экспериментальной группы свойственно испытывать печаль,

подавленный гнев, чувство вины, чувство стыда, нерешительность, сомнения в правильности принятого решения, или неспособность принять какое-либо решение из-за того, что каждое из них не является идеальным, представление любой проблемы как грандиозной и непреодолимой, постоянная самокритика, нереалистичные самообвинения, пораженческие мысли.

3. Для испытуемых экспериментальной выборки свойственна высокая степень неприятия собственного прошлого. Настоящее видится им оторванным от прошлого и будущего, при этом оно переживается как независимое от воли личности, изначально предопределённым, а личность – подчинённым судьбе, соответственно не наблюдается целей и планов на будущее. Для испытуемых контрольной выборки свойственна высокая степень притяжения собственного прошлого, при котором любой опыт является опытом, способствующим развитию и приведшим к сегодняшнему состоянию. Они чувствуют свою силу и способность распоряжаться жизнью, а также активно строят планы на будущее.

4. Подросткам, перенесшим насилие в семье, наиболее свойственен эгоцентрический тип смысловой сферы, который характеризуется генерализованными смыслами, связанными с доминирующей эго-центрацией сознания, например: «чтобы мне было хорошо», «чтобы я мог развиваться», «чтобы иметь компьютер».

Показателями принадлежности к данному типу смысловой сферы подростков являются: эгоцентрический способ осмысления действительности (через свои интересы, выгоды, потребности, стремления), доминирующая актуализация эгоцентрических смыслов, эгоцентрический характер предельных смыслов, наличие смысловых узлов эгоцентрической направленности.

5. В смысловом поле экспериментальной группы категории самореализации встречаются редко, но встречаются категории, связанные с применением силы или страха наказания, причем направленную и на себя, и

на окружающий мир, такие как «что б быть сильнее», «что б все отстали», «что б не трогали», «что б не получить».

В предельных смыслах экспериментальной группы часто встречаются категории «просто жить», «жить ради жизни», «жить ради того, чтобы жить», что характеризует пассивную позицию.

6. Будущие события у респондентов контрольной группы имеют более выраженный личностно-психологический характер, чем у экспериментальной, значит респонденты контрольной группы больше ориентированы на себя и значимые для себя межличностные отношениями, чем респонденты экспериментальной.

В прошлом экспериментальная группа чаще вспоминала события, связанные с учебой (окончил учебный год без троек), межличностными отношениями (ссора с другом), и события, связанные с личностью испытуемых (мне купили компьютер). Контрольная – события, связанные с их «Я», (первая моя любовь), межличностными отношениями (помирилась с парнем), родительской семьей (папа в больнице, бабушке сделали операцию).

В будущем испытуемые чаще указывали события, связанные с учебой, далее – события, связанные с личностью испытуемых, и затем следуют события, связанные с межличностными отношениями.

7. Респонденты экспериментальной группы более чем респонденты контрольной осознают, что в будущем их ждут трудности, и не рассчитывают на помощь и поддержку родительской семьи и общества, они уверены, что без материальной поддержки им не достичь желаемого качества жизни.

Работа – одна из самых значимых целей для респондентов экспериментальной группы, они частично осознают трудности, которые возникнут при устройстве на работу. Для респондентов контрольной группы основная цель в будущем – семья и дети.

У респондентов контрольной группы прошлые события взаимосвязаны с будущими событиями, то есть их представление о будущем опирается на прошлый опыт. У респондентов экспериментальной группы таких связей не выявлено.

8. Общая картина СКЖП подростков экспериментальной группы заключается, с одной стороны в переживании негативного прошлого, которое ведет к собственному самоограничению, в амбивалентном отношении к будущим радостным событиям жизни, заключающимся в неоднозначной окраске настоящего, фаталистичного и гедонистичного одновременно, а также в сниженной способности к рефлексии при проживании будущих негативных событий.

Данные полученные в ходе исследования могут быть использованы в разработке программ по развитию СКЖП у подростков, переживших насилие в семье. С учетом особенностей подросткового возраста, и полученных результатов, особенно полезны, для разработки программы по изменению отношений СКЖП, на наш взгляд данные о связи неприятия прошлого, и доминировании эгоцентричных смыслов СКЖП, а также когнитивно-аффективного проявления депрессии. Программу необходимо разрабатывать с учетом этих особенностей, и быть направлена, особенно на начальных этапах, на отреагирование чувств о прошлом и его принятие.

В перспективе, для обретения устойчивости в настоящем моменте и снижении общей угнетенности подростка, возможно включение технологий позволяющих подростку встретиться с перспективной собственного будущего, научить его осознавать реалистичность своих желаний и границы своих возможностей.

Результаты, полученные в исследовании, обладают не только теоретической, но и практической значимостью. Практическое значение заключается в том, что они могут быть использованы в контексте профилактики и регуляции, реабилитационной работы с подростками.

2.3 Содержание программы изменения субъективной картины жизненного пути подростков, переживших насилие в семье

Психологическая коррекция в контексте настоящего исследования конкретизируется как процесс целенаправленного изменения индивидуальных параметров регуляции СКЖП подростков, переживших насилие в семье, с помощью психодраматических методов воздействия, приводящих к устойчивому изменению некоторых характеристик ее жизненного пути.

Психологическая коррекция СКЖП подростков, переживших насилие в семье, по своей содержательной направленности относится к области коррекции личностного развития. В разработку программы были положены следующие цели.

1. Исправить специфические отклонения, выровнять общее отставание в развитии смысловой сферы и смысловой регуляции жизненного пути личности.

2. Отреагировать пережитые события.

С учетом полученных результатов были намечены основные задачи:

1. Активизировать систему смысловой регуляции СКЖП подростков, переживших насилие в семье.

2. Повысить уровень общей осмысленности жизни подростков, переживших насилие в семье.

3. Сориентировать смысл жизни подростков, переживших насилие в семье, на общечеловеческие ценности и понизить удельный вес индивидуальных потребностей в структуре источников смысла жизни.

4. Усовершенствовать структурную организацию смысла жизни подростков, переживших насилие в семье.

5. Развить осознанную смысловую регуляцию жизненного пути и усилить активность жизненной позиции подростков, переживших насилие в семье.

6. Опосредовать систему СКЖП подростков, переживших насилие в семье жизненными целями, планами и программами.

Психокоррекционный этап исследования представляет собой применение метода психодрамы и футуропрактики как средств самоопределения и понимания своих потребностей и смыслов будущего, а также отреагирования травматической ситуации.

Формирование экспериментального курса прошло три логических этапа разработки.

Первый этап – *проектно-установочный*: сложился на основе обращения к исследованиям проблематики развития СКЖП личности, его структуре и особенностям на подростковом этапе онтогенеза и был связан с разработкой модели психодраматической работы с подростками, направленной на регуляцию СКЖП при пережитом насилии.

Второй этап – *внедренческий*: представлял основную часть настоящего экспериментального исследования и заключался в проведении психодраматического курса, направленного на СКЖП подростка, пережившего насилие в семье.

В группе подростков переживших насилие в семье, цикл сессий проводился в рамках практических занятий с психологом. Продолжительность одной сессии: 2 часа, встречи проходили один раз в неделю.

Проведение психодраматических методов с подростками имеет свою специфику, обусловленную ведущими потребностями и особенностями этого возраста: бурное физиологическое и психологическое созревание, рост социальной активности, интенсивное развитие самосознания и т.д. Стремление найти свое место в обществе, становясь преобладающим,

порождает у подростка стремление понять самого себя, развивает у него чувство ответственности, критическое отношение к себе и другим.

Психодрама по своей сути позволяет расширить представление подростка о себе, мире и помогает взглянуть на различные ситуации по-новому, учитывая особенности и реакции других участников событий. Она помогает в поиске более эффективных путей для решения психологических проблем разных уровней, от экзистенциального до обыденного, бытового.

Замысел проведения практической части экспериментальной работы состоял в актуализации ценностного плана регуляции СКЖП личности подростка на базе психодраматической практики.

Построение психодраматической работы.

Психодраматический курс состоял из трех этапов.

Первый этап представлял вводную часть курса и заключался в формировании доверия к методу, установлению психологического контакта и мотивации межличностного взаимодействия.

На втором этапе выстраивалась основная часть психодраматического курса, логика построения которого представлялась последовательностью из шести стадий. На каждой стадии разворачивалась психодраматическая работа, направленная на активизацию системы смысловой регуляции СКЖП подростков, переживших насилие в семье, повышению уровня общей осмысленности жизни подростков, переживших насилие в семье, отреагированию чувств, в связи с пережитым, развитие осознанной смысловой регуляции жизненного пути и усилении активности жизненной позиции подростков.

Что позволило психодраматически выявлять и работать с будущими целями и определить проблематику дальнейшей психотерапевтической работы, направленную на формирование положительного отношения к себе, к своему настоящему, прошлому, будущему, и к окружающему миру.

Тематическое содержание основной части:

- 1 стадия – отношение к своему имени;
- 2 стадия – отношение к своему телу;
- 3 стадия – отношение к своему полу и возрасту.

На каждой стадии (звене), равнозначно несущей в себе выражение всей психологической структуры личности, регуляция СКЖП подростка была связана с распознаванием и переживанием его чувств о произошедших событиях, отреагированием их через катарисический метод, что позволяло в дальнейшем обрести общую картину ценностных отношений к «Я» и миру во времени.

Суть работы состояла в том, чтобы постепенно, по принципу спирали, двигаясь от самых простых и легких тем прийти к глубоким прошлым переживаниям о произошедших событиях. И в результате, психодраматическими средствами воспроизвести на каждой из структурных стадий значимую ситуацию, в которой проявлялось бы переживание подростка о событиях, и последующий выход из сложившегося положения, это могла быть сцена прощения, или сцена гнева, или сцена завершения отношений, наиболее значимым был вопрос действенного воплощения собственных чувств в пространстве, либо, проговаривания их, что в результате, должно было приводить к изменению состояния подростка.

Третий этап (формирующий). Данный этап направлен на работу с собственном будущим, он связан с планированием и целеполаганием.

Тематическое содержание основной части:

1. стадия – отношение к своему социальному признанию и внутренней психической сущности;
2. стадия – отношение к своему прошлому, настоящему и будущему;
3. стадия – отношение к своим правам и обязанностям в обществе.

Все стадии на данном этапе направлены на формирование целостного адекватного представления о себе в будущем. При этом, в психодраматических методах часто происходят обращение к прошлому, к

значимым, влияющим, на жизнь людям, и событиям, в первую очередь, происходит, работа с оставшимися внутренними барьерами, мешающими быть смелыми в выборе целей и планов, а также работа направлена на привитие ответственности за свои решения.

Этот баланс ответственности и спонтанности, в результате дает прочный фундамент для принятия решений о своем будущем, и последующем реалистичным планированием.

Четвертый (завершающий) этап психодраматического курса заключался в углубленной работе с эмоциональными отношениями в группе для установления динамического социометрического баланса, а также в формировании целостной обратной связи о цикле психодраматических занятий.

Содержание занятий психодраматического курса.

Вводный этап курса.

На первых занятиях решались следующие задачи:

- формирование у учащихся мотивации к самопознанию и саморазвитию в процессе психодраматических встреч;
- знакомство с методом и основными техниками психодрамы, а также с правилами, нормами и условиями проведения занятий.

Для решения поставленных задач нами была использована спонтанная игра на тему сказочного сюжета «Теремок». Предложенная форма психодрамы с последующим анализом действия позволила ввести участников в психодраматическую реальность, почувствовать специфику метода, создать комфортную ситуацию и позитивный настрой на дальнейшую работу с ведущим.

Самостоятельный выбор ролей для проигрывания сказочного сюжета, спонтанные высказывания из роли, размещение в пространстве действующих персонажей и зрителей ярко проиллюстрировало динамическую эмоциональную глубинную структуру группы.

На завершающем этапе первого занятия, в процессе шеринга, участники познакомились с правилами, задачами и особенностями процесса обсуждения. Ведущий провоцировал высказывания о пережитых во время игры эмоциях и чувствах, поощряя безоценочность мнений.

Основной этап курса

Тематическим основанием второй встречи была работа по определению *ценностных ориентаций на признание своего имени*. Наряду с диагностической задачей данной сессии ведущим учитывалась необходимость терапевтической работы при наличии негативного отношения участников психодрамы к своему имени. В процессе психодраматической сессии продолжалось обучение техникам и правилам шеринга.

В качестве примера работы над темой «Мое имя» приведем краткое описание одной из психодраматической встречи.

В ходе разминки, по имагинации собственного имени в состоянии релаксации с последующим описанием, возникшего образа, был определен протагонист и заявлена проблема негативного отношения к своему имени.

Ведущий. Ты сказала, что твое имя находилось от тебя далеко и было неприятного красного цвета.

Протагонист. Красно рыжего неприятного цвета.

Ведущий. Какой оно было формы?

Протагонист. В виде маленьких, толстых букв.

Для полного включения протагониста в работу необходимо строго очертить пространство, в котором будет происходить основное действие. Ограничение пространства необходимо для дифференциации имитируемого мира и мира реального.

Ведущий. Где находится твое имя, в каком месте?

Протагонист. Оно на фоне огненного облака в небе.

Ведущий. Где может находиться небо с облаком в этой комнате?

Ведущий предлагает протагонисту пройтись по комнате и найти место для расположения появившихся персонажей – неба и облака. Когда место найдено – уточняются позы и выбираются исполнители на роли данных персонажей. Когда все значимые персонажи выбраны, обозначены скульптурно и высказыванием с помощью обмена ролями, ведущий просит протагониста рассказать о себе из роли имени.

Протагонист. Я самое неприятное имя на свете. Меня никто не любит, даже моя хозяйка. Я так одиноко.

Ведущий (присоединяясь). Интересно, что думают обо мне облако и небо? Они рядом со мной, почему? После чего, обращаясь к протагонисту, спрашивает: «Для тебя важно знать мнение твоих соседей (неба и облака)?».

Протагонист соглашается и с помощью обмена ролями высказывает свои мысли и чувства в роли неба и облака.

Протагонист (в роли облака). Мне обидно, что ты меня не замечаешь, мне нравится быть рядом с тобой и защищать тебя от ветра; (в роли неба): по-моему, мы неплохо дополняем друг друга, голубой и огненный эффектно смотрятся.

Пройдя пошагово сцену взаимодействия персонажей, ведущий выводит протагониста в роль «зеркала», в которой он наблюдает за происходящим на сцене, затем просит прокомментировать увиденное и внести изменения (если они появились).

Протагонист. Надо же, мое имя изменило цвет. Оно стало золотистым.

Следующий этап работы предполагал несколько направлений: либо дальнейшее углубление к ядерной проблеме разогретого протагониста, либо работу с другими участниками. Мы выбрали второй путь. Этот выбор был обоснован спецификой поведения подростков в терапевтической группе. Когда желание быть в центре внимания преобладает над мотивацией самопознания. Что, в свою очередь, связано с недостаточно развитым

механизмом личностной рефлексии, а также отсутствие навыка эмоциональной – ролевой идентификации.

Таким образом, работа в группах строилась в форме коротких по времени, но логически завершенных сцен. Однако случалось так, что сценическое действие включало спонтанность вспомогательных лиц и группы в целом. Тогда протагонист получал эмоциональную поддержку и возможность открыть для себя новую гамму переживаний. А группа – богатый опыт эмпатического сочувствования, когда каждый участник группы может себя спросить: «Что бы чувствовал я в той или иной ситуации и т.д.».

Целью третьего занятия было расширение представления подростков о *своем физическом облике*, а также терапевтическая работа с негативным *восприятием образа тела*.

Разогрев каждого последующего занятия обязательно включал в себя обсуждение предыдущего, что позволяло уточнить и вербализировать возникавшие чувства в ходе занятия и после него, а также выявить протагониста для предстоящей психодрамы.

В целях диагностики эмоционального восприятия занятий участники группы в начале и в конце каждой сессии обозначали цветом свое настроение. Что позволяло нам выявлять значимость темы занятия и уровень ее проработанности для каждого из членов группы.

После стадии разогрева группа переходит к следующей стадии драматического действия. Обычно, в разогретой и готовой к действию группе протагонист добровольно заявляет желание обсудить свои личностные проблемы.

В нашем случае активную роль в выборе протагониста брал на себя руководитель группы. Иными словами, наша позиция опиралась на стратегию «внешней инициативы».

Данная позиция была обусловлена возрастными особенностями участников группы таких как:

- желание открыть свой внутренний мир, сопровождается тревожащим чувством боязни остаться непонятым;
- осознание своей индивидуальности сочетается с неопределенностью, расплывчатостью, диффузностью «Я-представления»;
- постоянная борьба актуальных потребностей в общении и уединении, в поддержке и самостоятельности действий.

В этой связи стать протагонистом предлагалось наиболее разогретому члену группы, тому, кто в процессе группового взаимодействия проявлял большую эмоциональную заинтересованность темой, ярко демонстрируя это в вербальных и невербальных высказываниях.

Особенность первых встреч заключалась в длительных по времени и разнообразных по технике разогревах группы.

Разогревы первых встреч были длительны и технически разнообразны. Эта особенность психодраматических занятий с подростками была обусловлена несколькими причинами. Во-первых, работа в терапевтической группе предполагает иной стиль взаимоотношений коренным образом отличный от классно урочного взаимодействия. Поэтому много времени уходило на создание доверительной, комфортной для самораскрытия обстановки. Во-вторых, многочисленность психодраматических техник и приемов способствует удовлетворению познавательной потребности подростков в получении разнообразной информации о методе в целом, повышая тем самым доверие к нему. Последнее тесно связано с ростом мотивации самопознания.

Итак, фаза разогрева третьей встречи проходила в два этапа. После процесс анализа, когда события прошедшей психодрамы исследуются с позиции теории ролей и социометрии, а также в их внутренней взаимосвязи и в их взаимосвязи с миром, было предложено двигательное упражнение.

Участники группы с помощью пантомимы «дарили друг другу подарки», соотнося вид «подарка» и форму его презентации с личностными особенностями партнера по интеракции. Что, на наш взгляд, позволило создать атмосферу доверия, усилить спонтанность и креативность участников группы. Целью следующего упражнения была актуализация представлений участников группы своего телесного образа. Второй этап разминки был построен на процессе регистрации ощущений, идущих от разных частей тела, в ситуации «здесь и теперь». Под руководством ведущего участники в состоянии релаксации создавали последовательный образ своего тела, начиная с головы и заканчивая ногами.

По мере готовности к обсуждению возникших представлений ведущий определяет протагониста предстоящей психодрамы.

Ведущий. Кто хотел бы некоторое время побыть скульптором и материализовать, увиденный образ?

Протагонист. Я хотел бы. То, что я увидел, трудно поддается описанию, а уж вылепить это - просто невозможно.

Участник, заявивший желание быть «скульптором», обладал неразвитой, инфантильной внешностью. Казалось, что он невольно попал из шестого в десятый класс. И, как бы осознавая нелепость ситуации, постоянно «играл роль» во всем сомневающемся, никому не доверяющего «колючего ерша-скептика».

Ведущий. Давай попытаемся. Ты «мастер», перед тобой глина или какой-то другой материал. Что это будет?

Протагонист. Пусть это будет мрамор.

Ведущий. Хорошо. Тебе действительно предстоит тяжелая работа – высекать из мрамора фигуру. Каждое движение должно быть максимально точным. Тебе понадобится инструмент. Что это будет?

Протагонист. Это будет топор. Удобный, прочный и острый.

Ведущий. Кто мог бы быть топором?

Протагонист выбирает на роль топора своего соседа. С помощью техник «зеркала» и «ролевого обмена» определяются поза, характер и место положения «топора» по отношению к «скульптору». Затем ведущий просит вербализовать представленный образ и обозначить место воздвижения монументальной фигуры.

Ведущий. С чего же ты начнешь работу? Какая часть тела будет «высечена» первой?

Протагонист. Конечно же голову сделаю первой. Она самая важная часть.

Ведущий. Хорошо. Кто мог бы стать мраморной глыбой, из которой получится голова?

Протагонист выбирает двух человек на роль «головы». Используя техники « монолога», «обмена ролями» и «зеркала», ведущий помогает протагонисту воспроизвести образ «головы» с помощью участников группы. Постепенно «возводятся» другие части тела, получая нужную форму и речевую характеристику. Несмотря на многочисленность группы, почти все оказались занятыми в «скульптуре». Таким образом, интерактивный дефицит протагониста был удовлетворен, а условия и правила «игры» помогли ему получить новый опыт комфортного и безопасного взаимодействия.

Постепенное высвобождение спонтанности выразилось в эмоциональной вовлеченности протагониста в действие, мышечной раскованности, что сказалось в свободной пантомимической позе «каменного образа». Скепсис и оценочность вербальных характеристик отдельных частей скульптуры (ролей) уступили место остроумию и метафоричности. По мере обозначения чувств каждой «роли» и определения особенностей их взаимоотношения возрастала включенность в отношения «теле». Это отмечалось в спонтанных репликах вспомогательных лиц, которые не отвергались протагонистом, повышалась креативность всех участников психодрамы, а также последующий шеринг состоял, в большей

степени, из идентификационных высказываний. Оценочные суждения практически отсутствовали.

Финалом данной психодрамы было «оживление мраморного тела». Протагонист в позиции «зеркала» наблюдает постепенное «оживание» скульптуры и разворачивающуюся картину взаимодействия обозначенных ролей.

Проведение психодраматических встреч в нескольких параллельных классах позволило нам выделить следующую особенность «стадии действия», характерную для подростковых групп. Появление отношений «теле», эффективность и адекватность «стадии действия» тесно связаны со степенью действенной активности каждого члена группы. Процессы идентификации усиливались, если исследование проблемы включало в себя в равной степени когнитивный и поведенческий компоненты. Роль «зрителя» мало кого устраивала. Подростку не столь важно узнать глубинные причины того или иного негативного отношения к самому себе, а испытать чувство сопричастности к подобным явлениям у сверстников. Его стремление «разобраться» в своих чувствах и переживаниях в роли «другого» и вместе с другим обусловлены «ходом и ступенями развития идентичности» в этом возрасте. Когда подросток озабочен вопросом: «Кто я? (кем я не являюсь?)», «С кем я?».

Активное участие всех членов группы в психодраматическом действии позволяло аккумулировать отношения «теле», идентификационные процессы, усиливать спонтанность и креативность. Что в свою очередь позитивно сказывалось на процессе осознания и определения переживаемых подростками чувств в конкретной ситуации. Уточнение эмоционального состояния, безоценочное принятие его сверстниками и ведущим готовило благодатную почву для экспериментирования с различными путями преодоления или разрешения назревших проблем.

Четвертая встреча предполагала работу *с отношением подростков к своему полу*. После завершения процесс анализа предыдущего занятия, во время которого участники группы высказывались о неожиданном проявлении новых личностных качеств протагониста прошлой психодрамы, отмечали изменение отношений к нему; делились впечатлениями о результатах самостоятельного исследования своего телесного образа и важности согласованности отдельных его частей: «Правая рука должна знать чего хочет левая».

Процесс анализ плавно трансформировался в разминку четвертого занятия. Участникам была предложена работа в парах. Каждый играл поочередно роль скульптора и нужного материала. Скульптору было необходимо воплотить реальный образ своего тела, исходя и имагинативного образа и наличного эмоционального состояния. Затем определялось чувство, которое вызывает «скульптура» и выражалось положительное отношение к ней. Включение импровизационной игры в виде реплик и двигательных реакций из роли «скульптуры» способствовали адекватности отношения к своему физическому облику в ситуации позитивного отклика «другого». Завершал данное упражнение короткий шеринг в диаде.

Так как упражнение выполнялось в однополых парах, участникам было предложено создать вербальный образ идеальной женщины – девушкам и образ идеального мужчины - юношам; определить сущность идеального образа в форме «девиза». По мере укрупнения групп по принципу схожести уточнялись характеристики и «девизы» заявленных образов. Образовавшиеся группы, по заданию ведущего, должны были представить и описать идеальный образ человека противоположного пола.

Разительные отличия мужских и женских характеристик и описаний поло-ролевых идеалов состояли в преобладании физических данных у первых и личностных качеств у других. При этом атрибуты

профессиональной карьеры и когнитивных способностей идеальных образов были характерны лишь для учащихся одиннадцатых классов.

Для исследования особенностей поло-ролевых взаимоотношений ведущий предложил объединиться группам противоположного пола на основании похожеści созданных образов. В форме импровизационной игры участники группы демонстрировали «типичную» ситуацию взаимодействия между мужчиной и женщиной. Несмотря на разнообразную тематику, заявленных ситуаций («Случай на работе», «Вечеринка», «Семья» и др.) суть импровизаций сводилась к сексуальному подтексту. При этом инициатива данного подтекста исходила исключительно от юношей, девушек же больше интересовала эмоционально чувственная сторона отношений. Что типично для формирования половой зрелости в подростковом возрасте. Вербальные эксперименты с сексуальными отношениями между полами помогают подростку усвоить и освоить свою половую роль в ограничивающих ее социальных рамках.

Последующие шеринг и процесс анализ позволили подросткам уточнить содержание понятий «мужчина» и «женщина», проследить зависимость поло-ролевого поведения от родительских образцов и принятых в нашем обществе представлений о половой роли мужчины и женщины.

Пятое занятие было направлено на актуализацию *ценностных ориентации подростков на социальное признание*. Актуальность потребности в признании и принятии как члена общества для подросткового возраста бесспорна. Она часто связана с мотивацией достижения и потребностью в самореализации и развитии собственного «Я». Необходимым условием удовлетворения этих потребностей является наличие референтной группы сверстников.

Импровизационная игра наиболее адекватно отвечала решению цели данной встречи и позволила подросткам подойти к осознанию статусной позиции в группе, соотнести полученную информацию с собственными

паттернами межчеловеческих отношений. Предложенная форма психодрамы не только раскрыла социоэмоциональную структуру группы и позиции отдельных ее членов, но и обозначила тематику, актуальную для данной группы, следующих психодраматических занятий.

Импровизационную игру предваряла разминка. В процессе которой участники группы, произвольно двигаясь по комнате, ассоциировали себя с тем или иным животным. По мере конкретизации образа в форме характерных, для выбранного животного, позы и высказывания участники игры как бы заново знакомились друг с другом. Затем ведущий предлагает каждому «животному» по порядку расположиться в пространстве комнаты, предметно уточняя выбранное место и высказываясь из роли, по желанию первоначальная роль может быть изменена каким угодно образом.

Приведем пример одной из встреч. Участница группы начинает импровизационную игру восклицанием: «Я хитрая лиса, сижу за кустиком и жду зазевавшегося зайца, я очень голодна». Появляется другой участник группы и, изображая кустик, обращается к лисе: «Это самое удобное место для ловли зайцев во всем лесу, со мной не пропадешь». Во время их разговора на сцене появляются белка, сова, зайцы, тигр, рысь, слон и собака. Один участник группы берет стул, устанавливает его посередине сцены, изображая жирафа, наблюдает за происходящим сверху. К жирафу присоединяется мудрый ворон, который с высоты другого стула обращается к жирафу: «Посмотри на эту суету. Какие глупые звери они только и думают о том – как бы съесть друг друга, не подозревая, что могут прийти охотники. Нам то эта опасность не грозит. Надо предостеречь их от неожиданных неприятностей». Жираф соглашается с вороном и обращается к животным: «Послушайте, что я вам скажу, и передайте это всем дальше. Придут охотники и всех перестреляют, если вы будете беспечны ...». Звери, вняв словам жирафа, окружив его и ворона, обсуждают в активном диалоге, что следует предпринять. Лишь лиса занята беседой с кустом, не обращая

внимание на происходящее рядом, да сова презрительно поглядывает из своего дупла.

Во время игры ведущий отмечает как часто участники обращаются друг к другу, пренебрегают друг другом, насколько совпадают и расходятся их мнения, набрасывая по ходу наблюдений схему взаимоотношений (социограмму).

В процессе шеринга помимо высказываний из ролей о своих чувствах и переживаниях во время импровизационной игры участники группы проводили сравнение между поведением животных, их отношениями в игровой ситуации и реальными отношениями конкретных людей.

Тема шестого занятия было направлена на актуализацию *значимых ценностей участников группы в прошлом, настоящем и будущем*. Разминка данной встречи включала в себя воспоминание любимой игрушки, воплощение дорогого образа в телесной скульптуре партнера с последующим «оживлением». После того как в группе ослабело эмоциональное напряжение, возникла ситуация доверия и была подготовлена почва для проявления спонтанности и творческих способностей всех участников, ведущий предложил группе совершить путешествие во времени.

Для этого каждому члену группы необходимо было мысленно пройтись по своему «жизненному пути» и остановиться на том временном отрезке, который с позиции настоящего времени чем-то интересен личности. Это могут быть приятное или неприятное воспоминание детства, какие-то неразрешенные ситуации в настоящем или же тревожащие образы будущего и т.п. Ведущий предложил детально представить ситуацию, дать ей название, определить возраст и доминирующие чувство или гамму чувств. Затем, исходя из выбранного эпизода, участники группы располагались на «временном векторе» слева направо. Начало «вектора» соответствовало ранним периодам жизни, середина – настоящему, конец – будущему. Когда места были определены, прозвучали названия и чувства, испытываемые

участниками, ведущий предложил объединиться в группы исходя из близости ситуаций во времени и схожести названий. Таким образом, получилось несколько групп, что позволило продолжить исследование значимых ценностей участников группы в прошлом, настоящем и будущем методом социодрамы.

Проведение социодраматических встреч по данной теме в нескольких классах показало следующее: – преобладание «ретроспективной временной ориентации» над ориентациями на будущее; – наличие ориентаций на настоящее, их значительное преобладание над ориентациями на прошлое и будущее. Если ценности «прошлого» ограничены утверждением необходимости теплых, доверительных отношений с родителями, то разнообразие ценностей «настоящего» разворачивается в поле значимых отношений с ровесниками. Озабоченность «будущем» предполагает оценку перспектив и возможностей личностной самореализации.

В качестве разминки для седьмой встречи мы выбрали игру «Волшебный магазин». Во время игры участники группы получили возможность отреагировать негативные эмоции, примириться с притязаниями «Я» и «Оно» и с самим собой. В процессе разминки возникла тема *прав и обязанностей личности*, при этом дискуссия по заявленной проблеме выявила несформированность представлений участников *группы* о своих обязанностях и гипертрофированный интерес к правам.

Благодаря психодраматическому путешествию в «Страну тотальных прав» участники группы расширили представление о понятиях: ответственность, долг, обязанности. Прочувствовав в психодраматической игре жизненную необходимость наличия у каждого человека как прав, так и обязанностей.

В процессе нашего эксперимента мы заметили, что большой терапевтический эффект дает проигрывание одной и той же проблемы несколькими участниками, выступающих в роли протагониста.

Проведение тематических встреч позволило раскрыть содержание ценностных ориентаций подростков, повысить групповую сплоченность, мотивацию самопознания и саморазвития, стимулировать креативность и спонтанность. Это послужило основой для обращения и последующей работы с более глубинными как личностными, так и межличностными проблемами.

Заключительный этап психодраматического курса заключался в углубленной работе с эмоциональными отношениями в группе, возникшими в ходе проведения основной части. Сложившиеся новые позитивно значимые межличностные отношения требовали своего закрепления в качестве ценностных норм в жизни группы.

В этой связи, на последних встречах разыгрывалась психодрама основных чувств и состояний, которые возникли у участников группы в ходе основной части курса. При этом каждому протогонисту, эксплицирующему эти чувства, предоставлялась большая свобода и возможность самостоятельного построения психодраматического процесса, т.е. функции директора драмы. Таким образом, в группе актуализировались новые активно-лидерские позиции подростков, не выступавших в таких позициях прежде. Эта работа была направлена на установление динамического социометрического баланса, т.е. такого состояния группы, когда преобладают гибкие ролевые ожидания лидерских позиций и более подвижные границы в существующих микрогруппах, а общая атмосфера характеризуется доминированием демократических принципов.

Финальным моментом всей работы стал выход на усвоение подростками психодраматического опыта для разрешения своих актуальных проблем. Проведенный курс подготовил наиболее активных участников группы к такому проигрыванию. В ходе проведения интрапсихической драматизации индивидуальных значимых «Я-ситуаций» формировался новый способ видения и проживания актуальных Я-состояний как «свой»

собственный потенциал обращения и решения различных актуальных жизненных проблем.

В целом, проведенный курс работы в экспериментальной группе подростков позволил установить следующие особенности построения психодрамы в рамках проводимого исследования. Актуализация процессов самосознания личности подростка в ходе психодраматических занятий обеспечивается следующими условиями:

Фаза разогрева:

- значительно длиннее по времени, чем основное драматическое действие, поскольку требуется установить контакт и снизить ожидания угрозы собственному «Я», свойственное подростку;

- эффективность повышается за счет включения упражнений на релаксацию, дифференциацию чувственного восприятия собственного тела, его образного представления;

- включение двигательных упражнений помогает снятию мышечных зажимов, психологических защит, глубокому самопроникновению, расширяет возможность чувствования на уровне двигательных реакций в другого, способствует творению важного опыта «Мы».

Фаза игры:

- процесс построения сцены максимально свернут, отдается предпочтение проигрыванию ситуации в целом без пошаговой фиксации и погружения на ее составных элементах;

- в первые сессии целесообразно проводить психодраму, центрированную на теме с элементами социодрамы (вместо центрированной на индивиде), что более эффективно в плане диагностики и определения круга тем для последующей работы;

- основанием выбора репертуара тем первых сессий может служить структура самосознания, разработанная В.С.Мухиной (отношения к собственному телу, имени, социальной роли, полу и т.д.);

- использование сказочных сюжетов способствует самораскрытию подростка, расширяет репертуар социальных ролей;

- появление отношений «теле», эффективность и адекватность «стадии действия» тесно связаны со степенью действенной активности каждого члена группы;

- гармоничное сочетание когнитивных и поведенческих компонентов в исследовании проблемы ведет к усилению процессов идентификации, что способствует удовлетворению потребности подростка испытывать чувство сопричастности к подобным явлениям у сверстников и выступает основанием для углубления самопознания, а также формированию позитивного самоотношения.

- прием смещения акцента внимания в ходе работы с процессуального «что и как я делал» на аналитическое «почему» помогает нейтрализовать и направить в рабочее русло демонстративность подростка.

Фаза анализа:

- в ситуации ролевой обратной связи важно обучать подростков распознавать и проговаривать свои эмоции и чувства, что формирует опыт эмоционального восприятия себя в новой роли и расширяет границы Я представления;

- необходима минимизация эффекта социальной желательности и внутренней цензуры через повышение значимости Я состояний: утверждение ценности «здесь и теперь» переживаний (как позитивно окрашенных, так и негативных) в ситуации групповой работы, что снимает свойственное этому возрасту противоречие между желанием и боязнью душевной близости;

- обсуждение активно сопровождается невербальным обменом актуальных переживаний, что обусловлено трудностью безоценочного вербального обмена пережитого личного опыта.

Перечисленные способы проведения и построения психодрамы способствуют более эффективной терапевтической работе с подростками.

2.4. Оценка изменений субъективной картины жизненного пути подростков после проведения программы

Сравним результаты до и после по методике Гиссенский опросник соматических жалоб, с целью, проследить динамику состояния травматизации до и после эксперимента.

Подставим результаты исследования на рисунке 6.

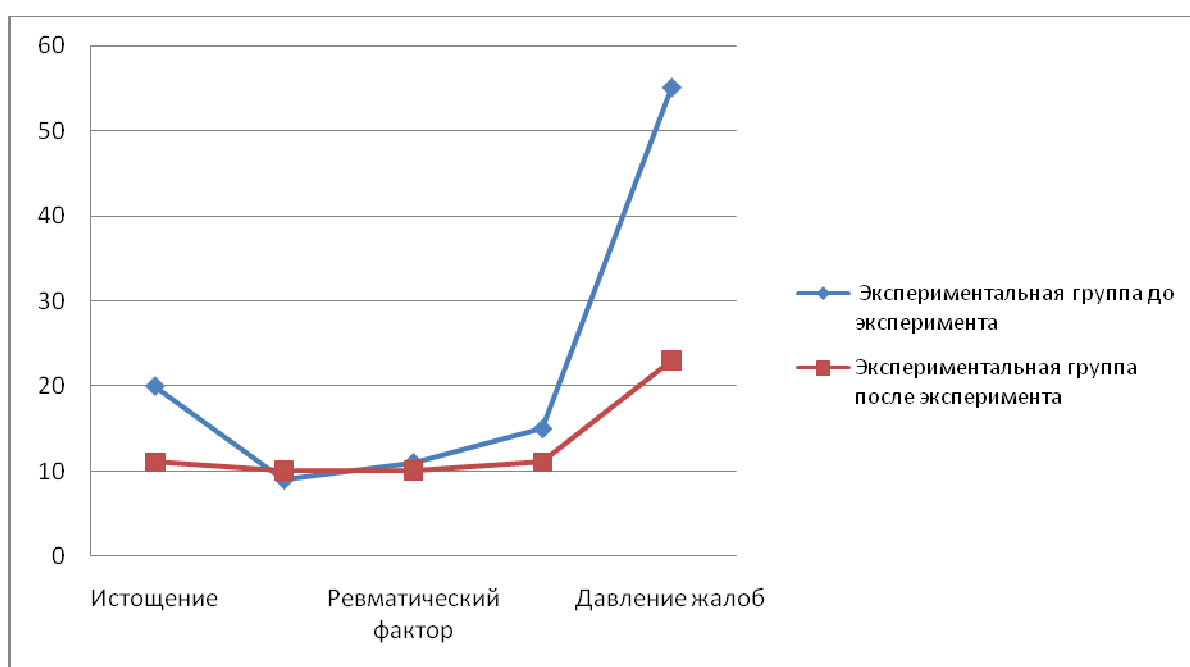

Рис. 6. Средние значения шкал Гиссенского опросника в двух выборках до и после проведения программы

На данном рисунке мы можем более четко видеть, что у респондентов экспериментальной группы значительно понижен показатель давление жалоб, даже по сравнению с контрольной группой, можно говорить, о том, подростки, после занятий ощущают значительное повышение жизненной энергии, они достаточно самодостаточны, и хорошо чувствуют свое тело.

По остальным шкалам мы можем наблюдать, что значения приближены к значениям контрольной группы.

Рассмотрим ниже результаты, опросника Бека, показывающие способы проявления депрессивных расстройств у опрошенных.

Таблица 9.

Среднегрупповые значения и оценка различий по дополнительным шкалам опросника Бека до и после проведения программы

Шкалы	До проведения программы	После проведения программы
Когнитивно-аффективная субшкала	22	10
Субшкала соматических проявлений депрессии	19	7

Средний показатель по когнитивно-аффективной шкале у экспериментальной группы до занятий равен 22, что является достаточно высоким результатом, после занятий показатель равен 10.

Уровень соматических проявлений депрессии, у экспериментальной группы до занятий находился на уровне 19, после занятий группа набирает 7 баллов, как и контрольная группа при первичной диагностике.

Таким образом, говоря о травматизации, мы можем заметить определенную динамику в процессе занятий. Показатели по шкалам экспериментальной группы, после занятий снижены, и приближены к значениям контрольной группы, а по некоторым сферам, опережают её.

Однако говорить о полном «излечении» от переживаний в связи с травматическим событием рано, скорее сделан, первый и значительный шаг в сторону осознания и принятия себя в контексте произошедшего.

Изменение показателей по данным методикам позволяют нам, предположить, что отреагирование чувств, в связи с травматической ситуацией, у испытуемых прошло достаточно эффективно, что позволило респондентам принять сложившуюся реальность, выразить чувства, накопившиеся в связи с длительным замалчиванием посредством психодраматического катарсиса, и тем самым, выйдя из застревающего переживания, двигаться дальше, в сторону регуляции СКЖП.

Далее рассмотрим методики, направленные на изучение особенностей СКЖП. Рассмотрим результаты по методике изучения временной перспективы (Ф.Зимбардо). Представим результаты в таблице 10.

Таблица 10.

Сводные результаты по методике изучения временной перспективы (Ф.Зимбардо) до и после проведения программы

Шкалы	До проведения программы	После проведения программы
Негативное прошлое	10	10
Гедонистическое настоящее	12	16
Будущее	3	10
Позитивное прошлое	5	11
Фаталистическое настоящее	7	4

Согласно полученным данным по шкале фактор восприятия негативного прошлого респонденты экспериментальной группы до и после занятий набрали в среднем 10 баллов, данный показатель является максимальным по данной шкале.

По шкале позитивного прошлого в экспериментальной группы до проведения занятий показатель 5. После занятий группа демонстрирует крайне высокие значения: 11.

По шкале гедонистического настоящего, среди опрошенных экспериментальной группы до занятий находится на уровне 12, после занятий данный показатель находится уже на отметке 16, что подтверждает выше сказанное, т.к. подросток, выходя из сложных переживаний, начинает замечать настоящее.

Фактор фаталистического настоящего у экспериментальной группы после занятий так же крайне низок, а по шкале степени ориентации на будущее показатель экспериментальной группы после занятий находится на высокой отметке.

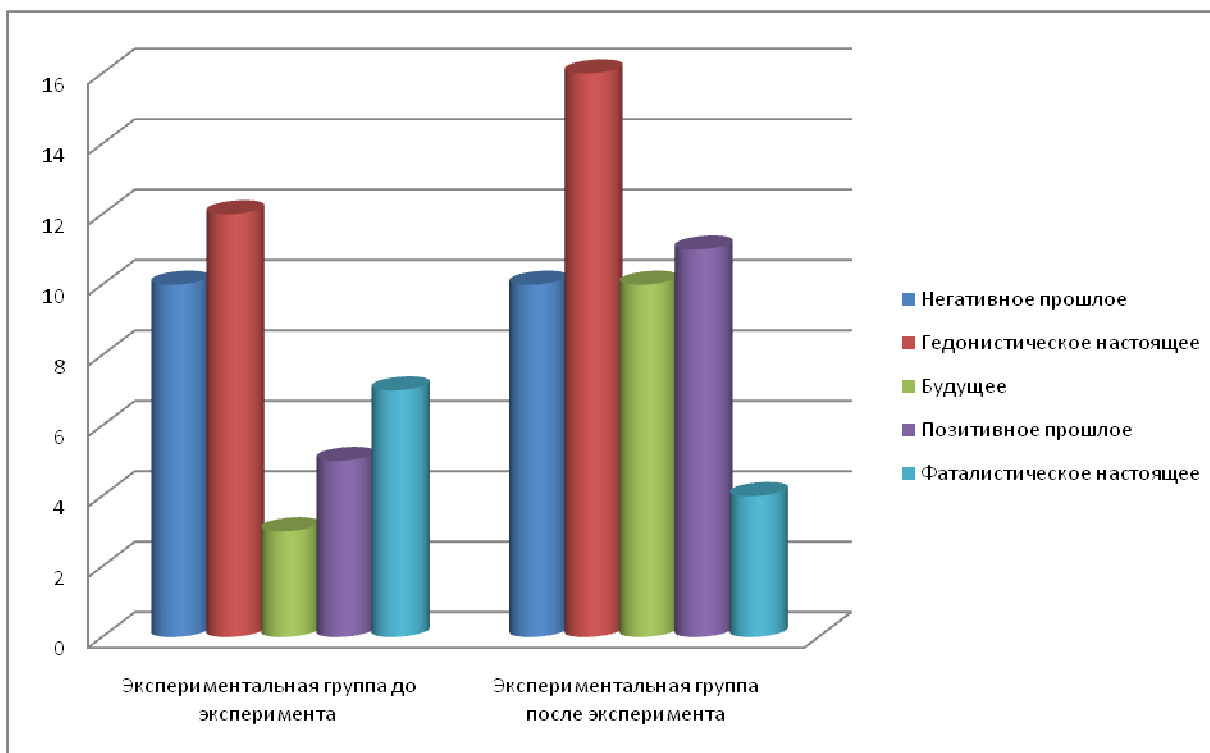

Рис. 7. Результаты по методике изучения временной перспективы (Ф.Зимбардо) экспериментальной выборки до и после проведения программы

Можно сказать, что подобное выраженное, радостное принятие своего прошлого, хороших моментов, произошедших в нем, часто свойственно для респондентов прошедших курс психотерапии, и отреагирования чувств, в связи с прошлым негативным опытом.

Это связано с тем, что выражая негативные чувства, протагонист в определенный момент истощается, выразив максимально возможные переживания на данном этапе, и начинает замечать в прошлом не только негативные события, которые до настоящего времени с учетом застревания, занимали максимально возможную энергию протагониста, но и позитивные радостные события. В этот момент новые осознания, например, о том, что в жизни подростка находились не только родители, причиняющие душевную и психологическую боль, но и поддерживающие друзья, радость достижений, приятные встречи и т.д.

Результаты по шкале будущего также подтверждают ранее предложенную нами модель СКЖП подростков, перенесших насилие, на

основании смысложизненной концепции М.Р. Гинзбурга. Здесь, на фоне принятия прошлого респонденты начинают чувствовать опору в настоящем, что, конечно же, позволяет им более уверенно смотреть в будущее.

Рассмотрим результаты повторного проведения методики предельных смыслов Д.А. Леонтьева.

Изучив протоколы обследования экспериментальной группы, были выделены следующие результаты. Среднее значение индекса децентрации по данной методике у подростков экспериментальной группы до занятий составило 2, а после занятий 5. Присутствие категорий такого рода, как уже говорилось ранее, это свидетельство того, что человек рассматривает свою жизнь в контексте жизни других людей и во взаимосвязи с ними. Данные испытуемые не застревают на этапе обдумывания решения, что у них нет трудностей при переходе от замысла к воплощению.

У испытуемых экспериментальной группы до занятий среднее значение индекса рефлексивности составило 8, в то время как после занятий среднее значение составило 6. Респонденты не застревают в интеллектуальных размышлениях, но и не находятся в чрезмерном отрицании.

Среднее значение индекса негативности у респондентов экспериментальной группы после занятий 1. Это может свидетельствовать о том, что испытуемые не стремятся уходить от проблем, не склонны к ограничению своей активности без видимых на то причин.

Обобщая результаты можно сделать вывод, что большая часть респондентов экспериментальной группы после занятий имеют уровень рефлексивности, свойственный психологически здоровой личности, при этом респонденты рассматривают свою жизнь в контексте жизни других людей и во взаимосвязи с ними, что можно объяснить особенностями групповой работы в методиках психодрамы и футуропрактики, как групповых методов опирающихся на бессознательные групповые процессы

и эффект теле.

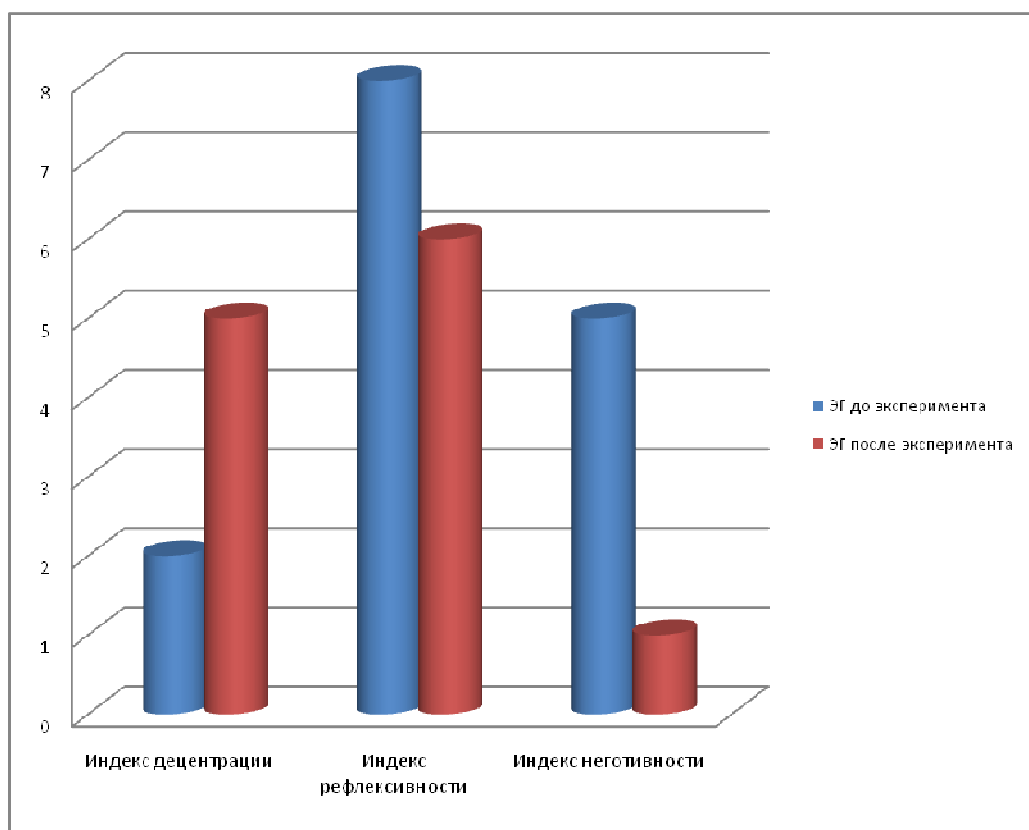

Рис. 8. Средние значения индексов по МПС Д.А. Леонтьева до и после проведения программы

На основе детального анализа данных в зависимости от содержания были выделены следующие особенности смысловой сферы подростков после эксперимента.

1.Эгоцентрический тип смысловой сферы подростков.

Таблица 11

Представленность основных показателей эгоцентрического типа смысловой сферы до и после проведения программы

Показатели эгоцентрического типа смысловой сферы подростков	% от общего числа испытуемых	
	до проведения программы	после проведения программы
Доминирующий уровень смысла у подростков	71	30

Эгоцентрическая мораль «ты мне – я тебе», «ситуативная выгода», «страх наказания»	47	50
Эгоцентрическая направленность жизненной перспективы «чтобы я в будущем был богатым», «счастье», «чтобы у меня в жизни все получалось», «чтобы меня любили»»	57,9	52

Мы можем наблюдать значительное снижение эгоцентрического типа смысловой сферы среди респондентов экспериментальной группы. Фактически, доминирующий уровень смысла подростков экспериментальной и контрольной группы находятся теперь на одном уровне.

2. Группоцентрический тип смысловой сферы подростков.

Таблица 12

Представленность основных показателей группоцентрического типа смысловой сферы до и после эксперимента

Показатели группоцентрического типа смысловой сферы подростков	% от общего числа испытуемых	
	до проведения программы	после проведения программы
Доминирующий уровень смысла	25	42
Группоцентрическая мораль «чтобы те друзья, которые сейчас, остались навсегда», «чтобы меня понимали», «чтобы мне доверяли»	14	34
Группоцентрическая направленность жизненной перспективы «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших и верных друзей» «любовь»	23,5	30

Практически в два раза увеличился уровень группоцентрированного типа смысловой сферы у подростков после проведенных занятий.

3. Смысловые сферы просоциального типа.

Таблица 13

Представленность основных показателей просоциального типа смысловой сферы до и после проведения программы

Показатели просоциальной направленности личности	% от общего числа испытуемых	
	до проведения программы	после проведения программы
Значимая актуализация просоциальных смыслов	4	28
Просоциальная мораль «чтобы все были счастливы», «чтобы люди жили в мире без войны»	3	6
Просоциальная направленность жизненной перспективы «жить вечно в своих потомках», «быть частью живой материи Вселенной», «дарить жизнь».	2,5	18

Если до проведенных занятий мы могли наблюдать крайне низкий уровень показателей, то теперь удивительно большое количество респондентов экспериментальной группы демонстрируют высокие показатели по этому типу. Причем, у респондентов экспериментальной группы стало наблюдаться явление, близкое к понятию инсайт, когда в процессе работы, выходя на определенный смысл, они какое-то время не могли найти дальнейших ответов, и внезапно их осеняло, и они продолжали дальше.

Структурный анализ исследуемых групп выявил между ними значимые различия практически по всем параметрам методики предельных смыслов.

Сравнительный анализ данных экспериментальной группы по МПС до и после проведения программы

Параметр	До проведения программы	После проведения программы
Пределные категории	8,60	13,04
Узловые категории	2,30	6,00
Индекс связности	103,73	105,65
Абсолютное число всех категорий	20,26	47,54
Средняя длина цепей	105,73	157,42
Продуктивность	106,63	143,71

Полученные результаты свидетельствуют, что степень иерархизированности и разнообразия жизненных смыслов (показатели «пределные и узловые категории», указывающие на «разветвленность» смыслового «дерева» и «индекс связности», описывающий связность мировоззренческих представлений) первой группы после занятий приближена к показателям контрольной. А в некоторых отношениях и опережает её. По структуре полученных «деревьев» можно заключить, что у подростков экспериментальной группы выявлена более содержательно дифференцированная смысловая структура, по сравнению с группой до занятий и контрольной группой.

Испытуемые после занятий имеют большую сформированность мировоззрения и ценностно-смысловой сферы. Об этом свидетельствует более протяженная длина смысловых цепей, которая включает в себя большее число отчетов.

При этом в плане качественного анализа смысловой сферы личности в группах показал, изменения так же крайне интересны: появление в смысловом поле категорий самореализации.

Теперь и экспериментальной группы в смысловом поле начали входить категории, близкие по смысловому содержанию к понятиям «самореализация». Тем не менее, у респондентов встречаются категории, связанные с применением силы или страха наказания, причем направленную и на себя и на окружающий мир. Что, в принципе, достаточно ожидаемо, т.к. пережитые события, накладывают определенный жизненный опыт.

По методике Е.Ю.Коржовой «Психологическая автобиография» получены следующие результаты, представленные на рисунке 9. Рассмотрим, как изменились показатели экспериментальной группы после проведения программы.

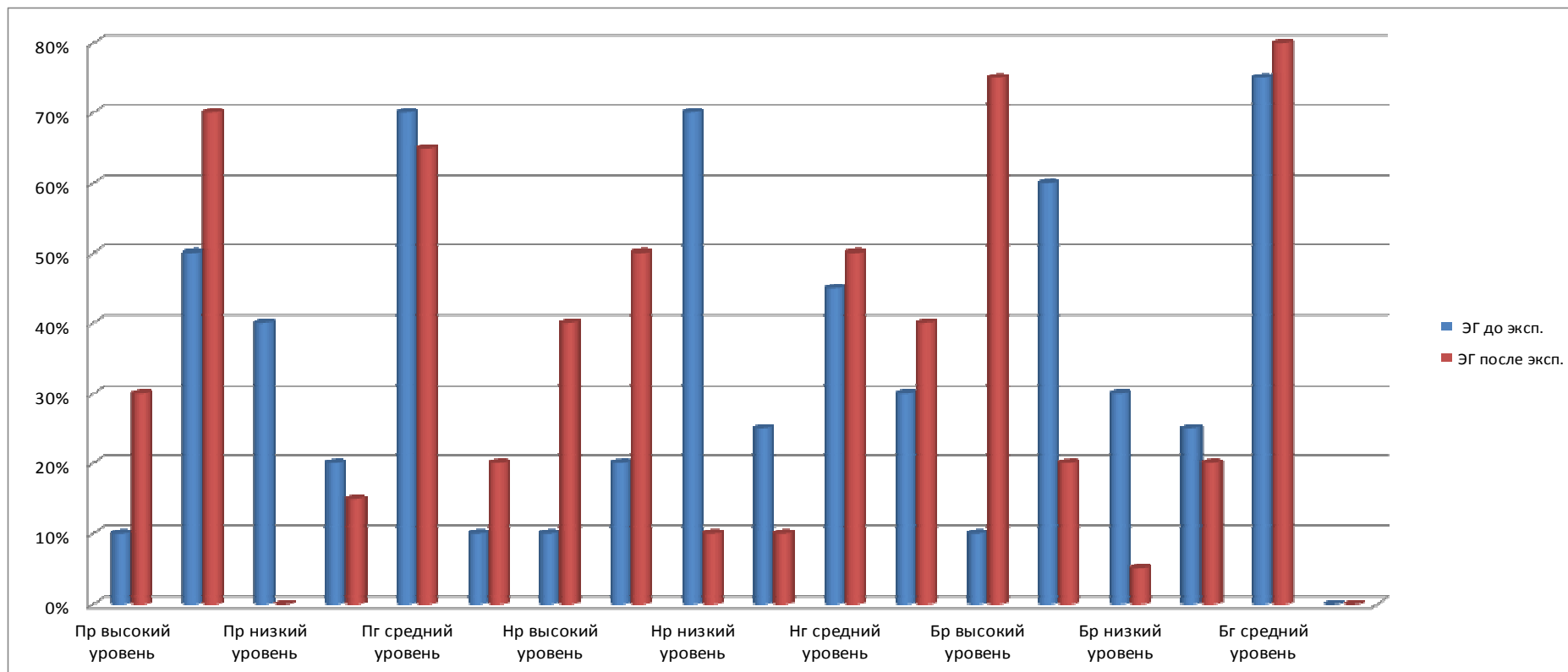
В результате оценки «веса» жизненных событий на выборке подростков экспериментальной группы после занятий были получены следующие данные:

1. После занятий большинство подростков оценивают уровень своих эмоциональных переживаний радостных и грустных событий в прошлом, в настоящем и будущем как средний (от 50 до 80% по различным видам событий).

2. Сильнее всего подростки переживают грустные события в настоящем (30%) и наступление грустных событий в будущем (20%).

3. Менее всего эмоциональную нагрузку несут грустные события в прошлом (10%) и у 20% подростков – грустные события в настоящем.

Таким образом, у респондентов экспериментальной группы после занятий повысилась общая продуктивность, значительное преобладание радостных событий, как в прошлом, так и в будущем, свидетельствует о вытеснении по механизму психологической защиты психотравмирующих переживаний..

Условные обозначения:

Пр – прошедшие радостные события;

Пг – прошедшие грустные события;

Нр – настоящие радостные события;

Нг – настоящие грустные события;

Бр – будущие радостные события;

Бг – будущие грустные события.

Рис. 9. Распределение уровня эмоциональной нагрузки жизненных событий подростков экспериментальной группы до и после проведения программы

В будущем подростки тоже чаще всего указывали события личностно-психологического типа, следующие по частоте встречаемости – события, связанные с изменением социального статуса, – устройство на работу, создание семьи, вступление в брак, рождение детей и, лишь затем, – события биологического типа, связанные со здоровьем испытуемых, их родных и близких. Будущие события у респондентов имеют более выраженный личностно-психологический характер, значит, они больше ориентированы на себя и значимые для себя межличностные отношениями, чем респонденты экспериментальной.

Выводы по Главе 2

В результате проведенного анализа было выделено, что соматические последствия психологической травматизации у подростков, перенесших насилие, проявляются в ощущении потери жизненной энергии. Эмоциональный уровень психологической травматизации проявляется в умеренном уровне депрессии, наряду с высокой степенью неприятия собственного прошлого. Настоящее видится им оторванным от прошлого и будущего, при этом оно переживается как независимое от воли личности, изначально predetermined, а личность – подчинённым судьбе, соответственно не наблюдается целей и планов на будущее. В прошлом подростки данной группы чаще вспоминали события, связанные с учебой, межличностными отношениями, и события, связанные с личностью испытуемых.

Для подростков, не имеющих травматических событий в прошлом, свойственна высокая степень принятия собственного прошлого, при котором любой опыт является опытом, способствующим развитию и приведшим к сегодняшнему состоянию. Они чувствуют свою силу и способность распоряжаться жизнью, а также активно строят планы на будущее. Будущие события имеют более выраженный личностно-психологический характер, больше ориентированы на себя и значимые для себя межличностные отношения. В прошлом подростки данной группы выделяли события, связанные с их «Я», межличностными отношениями, родительской семьей. В будущем чаще указывали события, связанные с учебой, события, связанные с личностью испытуемых и связанные с межличностными отношениями.

Общая картина СКЖП подростков, переживших насилие в семье, заключается, с одной стороны в переживании негативного прошлого, которое ведет к собственному самоограничению, в амбивалентном отношении к будущим радостным событиям жизни, заключающимся в неоднозначной окраске настоящего, фаталистичного и гедонистичного

одновременно, а также в сниженной способности к рефлексии при проживании будущих негативных событий.

Психологическая работа в контексте настоящего исследования конкретизируется как процесс целенаправленного изменения индивидуальных параметров изменения отношения к СКЖП подростков, переживших насилие в семье с помощью психодраматических методов воздействия, приводящих к устойчивому изменению некоторых характеристик ее жизненного пути.

Психокоррекционный этап исследования представляет собой применение метода психодрамы и футурапрактики как средств самоопределения и понимания своих потребностей и смыслов будущего, а также отреагирования травматической ситуации.

В результате оценки изменений, произошедших после проведения психологической коррекции, было выделено, что отреагирование чувств относительно травматической ситуации прошло достаточно эффективно, что позволило подросткам принять сложившуюся реальность, выразить чувства, накопившиеся в связи с длительным замалчиванием посредством психодраматического катарсиса, и тем самым, выйдя из застревающего переживания, двигаться дальше, в сторону изменения отношения к жизненному пути. Произошли изменения в принятии прошлого, выделение в нем хороших моментов. На фоне принятия прошлого подростки начинают чувствовать опору в настоящем, что позволяет им более уверенно смотреть в будущее. Появилась большая осмысленность жизни, расширилось пространство жизни, где появились новые смыслы.

Заключение

Для понимания и разработки направлений психологической работы с подростками – жертвам насилия необходимо знать особенности этих детей. Интегрировав накопленные в психологии данные с собственным опытом работы, можно сказать: прохождение человека через чрезвычайные ситуации, где он пребывает в роли жертвы, чревато не просто нарушением в содержании структурных компонентов образа мира, но нередко приводит к его полному разрушению («слому»).

Разрушения столь глубоки, что касаются действия двуединого базового механизма бытия и развития личности «идентификация-обособление»: у пережившего насилие ребенка «включается» крайняя негативная форма обособления – отчуждение (от себя, других, мира), и вся активность направляется на защиту себя.

Выделенные нами особенности субъективной картины жизненного пути подростков, переживших насилие, определяют задачи и психологическое содержание работы с ними. Если нарушение или слом произошли, необходима длительная реабилитационная работа – восстановление целостного и упорядоченного образа мира личности, пусть он даже будет иным, чем раньше. При этом не обойтись без восстановления разорванных связей с самим собой и другими людьми, а также связи прошлого, настоящего и будущего, которая дает человеку возможность, с одной стороны, «обрести корни» и «оживить» жизненные резервы, а с другой – обрести будущее и себя в нем и освоить продуктивные способы совладания с кризисными ситуациями. Результатом такой перестройки является новый образ мира и себя в нем. Итак, прежде всего, «возрождение из боли», т.е. реанимация заблокированных ресурсов развития, затем реконструкция содержания основных структурных звеньев субъективного образа мира и овладение новыми, более продуктивными моделями. Без такой глубокой

психологической работы детям, пережившим трагедию насилия, трудно возродиться к жизни, поверить в себя и восстановить связь с миром людей.

Возникает необходимость поиска особой модели психологической помощи, которая как бы балансирует между поддержкой и доращиванием, довоспитанием подростка. Именно ее мы используем при работе с подростками, пережившими насилие.

Субъективная картина жизненного пути – это многоуровневое понятие, включающее в себя, связанное между собой, и взаимообуславливающее личностно значимое прошлое, настоящее и будущее, формируемое такими факторами, как возраст, смыслы и ценности.

Переживания последствий у подростков, подвергшихся насилию в семье, приводят к серьезным трудностям социализации, развития, сохранения психологического здоровья. Как показывают результаты исследований, у данной группы подростков нарушены связи со взрослыми, нет соответствующих навыков общения со сверстниками, сужена временная перспектива, меняются смысловые связи, что приводит к угрозе здоровью и нормальному развитию. Решение своих проблем подростки, пережившие насилие, находят в криминальной, асоциальной среде, а это часто сопряжено с формированием у них пристрастия к алкоголю, наркотикам, они начинают воровать и совершать другие уголовно наказуемые действия.

Общая характеристика субъективной картины жизненного пути подростков экспериментальной группы заключается, с одной стороны, в переживании негативного прошлого, которое ведет к собственному самоограничению, в амбивалентном отношении к будущим радостным событиям жизни, заключающимся в неоднозначной окраске настоящего, фаталистичного и гедонистичного одновременно, а также в сниженной способности к рефлексии при проживании будущих негативных событий.

На основе выделенных результатов была разработана программа психологической работы по изменению отношения подростков, переживших

насилию в семье, к собственному пространству жизни, его основных компонентов.

Психологическая коррекция в контексте настоящего исследования конкретизируется как процесс целенаправленного изменения индивидуальных параметров изменения субъективной картины жизненного пути подростков, переживших насилие в семье, с помощью психодраматических методов воздействия и футурапрактики, приводящих к устойчивому изменению некоторых характеристик ее жизненного пути, самоопределения и понимая своих потребностей и смыслов будущего, изменения отношения к прошлому через отреагирование травматической ситуации.

Таким образом, выдвинутая гипотеза нашла свое подтверждение.

Список использованной литературы

1. Абабков, В.А. Насилие, его характеристики и причины в семьях лиц с алкогольной и наркотической зависимостью: обзор литературы [Текст] / В.А. Абабков, Т.А. Караваева, В.А. Моженкова // Петербургский психологический журнал. – 2014. – № 8. – С. 1–25.
2. Абульханова, К.А. Время личности и время жизни [Текст] / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 365 с.
3. Абульханова-Славская, К.А. Стратегии жизни [Текст] / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1999. – 199 с.
4. Аверин, В.А. Психология детей и подростков: Учеб.пособие. [Текст] [Текст] / В.А. Аверин – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998. – 379 с
5. Азарова, Е.А. К вопросу о насилии над детьми в семье [Текст] / Е.А. Азарова // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2009. – № 3. – С. 69–75.
6. Алексеева, Л.С. О насилии над детьми в семье [Текст] / Л.С. Алексеева // Социологические исследования. – 2003. – №4. – С.78–85.
7. Ананьев, Б.Г. Восприятие пространства и времени [Текст] / Б.Г. Ананьев. – Л.: Наука, 1969.
8. Ананьев, Б.Г. Избранные психологические труды: В 2 т. [Текст] / Б.Г. Ананьев – М.: Педагогика, 1980. – Т. 1. – С. 113–114.
9. Ананьев, Б.Г. К проблеме возраста в современной психологии[Текст] / Б.Г. Ананьев, М.Д. Дворяшина, Н.А. Кудрявцева //Индивидуальное развитие человека и константность восприятия. – М.: Просвещение, 1968. – С. 40–57.
10. Ананьев, Б.Г. Человек как объект познания [Текст] / Б.Г. Ананьев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 340 с.
11. Андреева, Л.С. Особенности личностного развития детей, подвергшихся жестокому обращению в замещающих семьях [Текст] /

- Л. С. Андреева, В. А. Попов // Молодой ученый. – 2013. – №4. – С. 508–509.
12. Афанасьева, А.Н. Личность как субъект жизненного пути [Текст] / А.Н. Афанасьева // Молодой ученый. – 2013. – №10. – С. 475–478.
 13. Ахмеров, Р.А. Биографические кризисы личности [Текст]: Дис. ...канд. психол. наук. / Р.А. Ахмеров. – Москва, ИП РАН, 1994. – 210 с.
 14. Ахмеров, Р.А. Опыт формирования будущей временной перспективы [Текст] / Р.А. Ахмеров// Конфликт в конструктивной психологии: Тез.докл. и сообщ. на II н.-пр. конф. по конструктивной психологии. – Красноярск, 1990. – С. 84–88.
 15. Ахмеров, Р.А. Субъективная картина жизненного пути в структуре самосознания [Текст] / Р.А. Ахмеров // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр. – 2013. – №7.3(43) (Проблемы науки и образования). – С. 190–220.
 16. Бадонов, А.М. Насилие в семье как фактор повышения уровня разводов современных семей [Текст] / А.М. Бадонов // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2014. – № 4. – С. 10–13.
 17. Бирюкова, А.С. Насилие в семье как социальная проблема: организационно-правовой аспект [Текст] / А.С. Бирюкова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2010. – № 3 (43). – С. 150–155.
 18. Боголюбова, О.Н. Опыт переживания насилия и рискованное поведение у молодых взрослых. Роль субъективной картины будущего [Текст] / О.Н. Боголюбова. – Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 192 с.
 19. Братусь, Б.С. К изучению смысловой сферы личности [Текст] / Б.С. Братусь // Вестник Московского ун-та. – Сер. 14. – Психология. – № 2. – С. 46–56.

20. Брюкнер, М. Насилие в семье: локальные действия – международная проблема [Текст] / М. Брюкнер // Журнал исследований социальной политики. – 2009. – Т. 7. – № 2. – С. 261–272.
21. Брянцева, М.В. Социально-правовая защита от домашнего насилия в семье в современной России [Текст] / М.В. Брянцева // Социальная политика и социология. – 2007. – № 1. – С. 91–98.
22. Буровихина, И. А. Социальная ситуация развития как условие формирования образа мира современного подростка [Текст]: автореферат дис. ... кандидата психологических наук / И.А. Буровихина. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2013.– 34 с.
23. Буровихина, И. А. Структурно-функциональные особенности семьи как фактор формирования образа мира в отрочестве [Текст] / И.А. Буровихина // Журнал практического психолога . – 2011. – № 6. – С. 150–171.
24. Василюк, Ф.Е. Методологический анализ в психологии [Текст] / Ф.Е. Василюк. – М.: Смысл, 2003. – 240 с.
25. Василюк, Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций [Текст] / Ф.Е. Василюк. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 144 с.
26. Волкова, Е.Н. Психология субъектности педагога [Текст] / Е.Н. Волкова.– Н. Новгород, 2001. – 236 с.
27. Всемирная Организация Здравоохранения. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. Всемирная организация здравоохранения. [Текст] / Ред. Э.Г. Круга, Л.Л. Дальберг, Дж.А. Мерси, Э.Б. Зви и Р.Лозано. – Женева: «Весь Мир», 2003.– 372 с.
28. Гинзбург, М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема [Текст] / М.Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1988. – №2. – С. 19–26.

29. Гинзбург, М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения [Текст] / М.Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1994. – №3. – С. 43–52.
30. Головаха, Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи [Текст] / Е.И. Головаха. – Киев: Наукова думка, 1988.
31. Головаха, Е.И. Жизненные перспективы и ценностные ориентации личности [Электронный ресурс] / Е.И. Головаха // Психология личности в трудах отечественных психологов. / Ред. Л. Куликов – Режим доступа:
http://www.fictionbook.ru/author/lev_kulikov/psihologiya_lichnosti_v_truda_h_otechestv, свободный.
32. Головаха, Е.И. Психологическое время личности [Текст] / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – М.: Смысл, 2008. – 267 с.
33. Грановская, Р.М. Элементы практической психологии [Текст] / Р.М. Грановская. – СПб.: Речь, 2007.
34. Дети и насилие: Материалы международного семинара «Права ребенка: проблемы насилия над детьми». 02 дек. 2013 г. [Текст] / М.: МТС-Пресс, 2013. – 428 с.
35. Елисеева, Е.Ю. Отечественная практика работы с детьми, пережившими насилие, и их семьями [Текст] / Е.Ю. Елисеева, И.Е. Барабанова // Мир науки и инноваций: труды II международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 14–18.
36. Ениколопов, С.Н. Теории сексуального насилия [Текст] / С.Н. Ениколопов, О.А. Кравцова. – Прикладная психология – 2003. – 78 с.
37. Жизненный путь личности (вопросы теории и методологии социально-психологического исследования) [Текст] / Отв. Ред. Л.В. Сохань. – Киев: Наукова думка, 1987. – 277 с.
38. Журавлев, А.Л. К вопросу о построении типологии жизненных миров [Текст] // Психология человека в современном мире. Том 1.

- Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15-16 октября 2009 г.) / Ответственные редакторы: А. Л. Журавлев, В. А. Барабанщиков, М. И. Воловикова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 334 с.
39. Задарновский, А.Л. Установление психосоматических расстройств у жертв насилия в семье при производстве судебно-медицинской экспертизы [Текст] / А.Л. Задарновский, Ю.В. Солодун // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). – 2009. – Т. 86. – № 3. – С. 91–93.
40. Ильченко, О.Ю. Беспризорность несовершеннолетних как результат насилия в семье [Текст] / О.Ю. Ильченко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 99. – С. 286–290.
41. Ипполитова, Е.А. Особенности представлений о жизненных перспективах личности в период кризиса середины жизни [Текст]: Дис... канд. психол. наук. / Е.А. Ипполитова. – Барнаул, 2005. – 196 с.
42. Каркунова, К.В. Исследование проявлений насилия и жестокого обращения в семьях подростков [Текст] / К.В. Каркунов // Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал материалы Международной научно-практической конференции. / Главный редактор И.О. Логинова. – 2014. – С. 454–460.
43. Королев, В.В. Насилие против сотрудников органов внутренних дел и организованная преступность [Текст] / С.Н. Королев // Организованный терроризм и организованная преступность. – 2002. – №1. – С. 195–200.
44. Короченко, Т.Ю. Исследование взаимосвязи интенсивности переживания террористической угрозы и параметров психологического благополучия личности в юношеском возрасте [Электронный ресурс] / Т.Ю. Короченко // Молодёжь и наука: Сборник материалов

- VI Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. — Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. — Режим доступа: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/section17.html>, свободный.
45. Кравцова, О.А. Сексуальное насилие как психологическая травма [Текст]: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / О. А. Кравцова. — Москва, 2000. — 193 с.
 46. Кроник, А. А. Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути [Текст] / А.А. Кроник, Р.А. Ахмеров. — М.: Смысл, 2003. — 284 с.
 47. Кроник, А.А. Мотивационная недостаточность как критерий деформированности субъективной картины жизненного пути [Текст] / А.А. Кроник, Р.А. Ахмеров. — М.: Смысл, 1988.
 48. Кукушкина, Л. Е. Детство без насилия [Текст] / Л. Е. Кукушкина // Социальная работа. — 2010. — № 1. — С. 10–14.
 49. Леонтьев, А.Н. Образ мира [Текст] / А.Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения. — М.: Педагогика, 1977.— 341 с.
 50. Леонтьев, Д.А. Методика предельных смыслов (МПС) [Текст] / Д.А. Леонтьев — М.: Смысл, 1992. — 36 с.
 51. Либин, А.В. Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций [Текст] / А.В. Либин. — М.: Смысл, 2000. — 514 с.
 52. Логинова, Н.А. Развитие личности и ее жизненный путь [Текст] / Н.А. Логинова // Психология личности в трудах отечественных психологов. Хрестоматия. / Под ред. Л.В. Куликова. — СПб.: Питер, 2009. — С. 125–129.
 53. Мак-Вильямс, Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе [Текст] / Н. Мак-Вильямс. — М.: Класс, 1998. — 480 с

54. Малик, Т.Н. Проблемы защиты прав детей-сирот от насилия в замещающих семьях и учреждениях [Текст] / Т.Н. Малик, М.Б. Феоктистова, О.Н. Грицай, Е.Е. Безуглова, Н.Ф. Акимова // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения Труды Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. / Под общей редакцией Л.П. Мышляева. Красноярск: СибГИУ, 2010. – С. 244–251.
55. Малкина-Пых, И.Г. Гендерная терапия. Справочник практического психолога [Текст] / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Эксмо, 2006. – 371 с.
56. Манукян, В.Р. Субъективная картина жизненного пути и кризисы взрослого периода [Текст]: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / В.Р. Манукян. – СПб., 2003. – 217 с.
57. Мартынова, Т.Ф.. Влияние образовательных программ на отношение к проблеме насилия в семье [Текст] / Т.Ф. Мартынова, Д. Терстон // Наука и образование. – 2005. – № 3. – С. 98–102.
58. Маслова, Т.Р. Наказание детей [Текст] / Т.Р. Маслова, М. Л. Смагина // Социологические исследования. – 2011. – № 7. – С. 154–161.
59. Мильшин, А.О. Социокультурные проблемы предупреждения насилия в семье [Текст] / А.О. Мильшин // Сервис plus. – 2010. – № 3. – С. 85–93.
60. Мугаджирова, А.М. Медико-социальные проблемы женщин и детей, подвергшихся насилию в семье [Текст] / А.М. Мугаджирова, Г.Н. Дамаданова // Известия ДГПУ. – 2013. – С. 45–52.
61. Насилие в семье: особенности психологической реабилитации, учебное пособие [Текст] / Н. М. Платонов, Ю. П. Платонова.– СПб.: Речь, 2004. 154 с.
62. Насилие и жестокое обращение с детьми: источники, причины, последствия, решения: Коллективная монография [Текст] / под ред. Е.Н.Волковой. – Н. Новгород, 2011. – 248 с.
63. Николаева, С.Б. Насилие над детьми в семье [Текст] / С.Б. Николаева // Региональная Политика. Экономика. – 1999. – №5. – С.79–80.

64. Нуркова, В.В. Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации: новые феномены [Текст] / В.В.Нуркова, К.Н.Василевская // Вопросы психологии. – 2003. – №5. – С.93–102.
65. Осипова, И. И. Патронат – межведомственная система профилактики неблагополучия, социального сиротства и правонарушений несовершеннолетних: методическое пособие [Текст] / И. И. Осипова. – 2008. – 172 с.
66. Осухова, Н.Г. Между поддержкой и доразвиванием: психологическое сопровождение подростков, переживших насилие [Текст] / Н.Г. Осухова // Развитие личности. –2003. – № 4. – С.153–166.
67. Петин, И.А. Механизм преступного насилия [Текст] / И.А. Петин. – СПб.: Изд-во Р. Асланова Юридический центр Пресс, 2010. – 343 с.
68. Платонова, Ю.П. Насилие в семье: Особенности психологической реабилитации [Текст] / Ю.П. Платонова. – СПб.: Речь, 2009. – 135 с.
69. Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления [Текст] / Под ред. Е. Н. Волковой. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
70. Психология современного подростка. [Текст] / Под ред. Д.И.Фельдштейна. – М.: Педагогика, 2006. – 240 с.
71. Пятниченко, А.П. Представление о будущем у онкологических больных с разным типом отношения к болезни [Электронный ресурс] // Молодежь и наука: сборник материалов IX Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярск. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2013. – Режим доступа: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section113.html>, свободный.
72. Ремезова, В. В. Организация программной деятельности по профилактике семейного неблагополучия в центре социальной помощи семье и детям [Текст] / В. В. Ремезова // Работник социальной службы. – 2010. – № 1. – С. 13–28.

73. Родина, И.В. Дискурсивное измерение насилия в семье: теория и метод социологического анализа [Текст] / И.В. Родина // Социальная политика и социология. – 2006. – № 2. – С. 17–35.
74. Родина, И.В. Насилие в семье: теоретическое осмысление и ключевые понятия [Текст] / И.В. Родина // Социальная политика и социология. – 2008. – № 2. – С. 69–79.
75. Родина, И.В. Насилие в семье как социокультурный феномен [Текст] / И.В. Родина // Социальная политика и социология. – 2007. – № 1. – С. 187–200.
76. Рубинштейн, С.Л. Человек и мир [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – М.: Наука, 1997. – 229 с.
77. Рыбников, Н.А. Биографии и их изучение [Текст] / Н.А. Рыбников. – М.: Наука, 1920.
78. Сазонтова, А. В. Социальная технология реабилитационной работы с семьей, находящейся в социально опасном положении [Текст] / А.В. Сазонтова // Работник социальной службы. – 2010. – № 1. – С. 44–49.
79. Сафонова, Т.Я. Жестокое обращение с детьми и его последствия [Текст] / Т.Я. Сафонова, Е.И. Цымбал // Жестокое обращение с детьми: сущность, причины, социально-правовая защита. – 1993. – С. 168–174.
80. Свечникова, А.С. Феномен насилия над детьми в семье [Текст] / А.С. Свечникова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2008. – № 7. – С. 14–17.
81. Сошникова, И.В. Воспитательные меры по предупреждению насилия в семье [Текст] / И.В. Сошникова // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – Т. 81. – № 4. – С. 188–201.
82. Стасенко, О.В. Особенности социальной работы с лицами, пережившими насилие в семье [Текст] / О.В. Стасенко // Ученые

- записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2007. – Т. 8. № 2. – С. 85–88.
83. Сурикова, Я.А. Влияние кризисной ситуации на особенности построения субъективной картины жизненного пути личности [Текст] / Я.А. Сурикова // Молодой ученый. – 2012. – №4. – С. 372–379.
84. Таусинова, О.К. Влияние насилия в семье на психологическое развитие подростков // Молодой ученый. – 2016. – №4. – С. 708–712.
85. Ташёва, А.И. Представления о супружеском насилии в родительских и собственных семьях [Текст] / А.И. Ташева, С.В. Бедрединова // Психологическое, физическое, информационное насилие и пути его преодоления в современном обществе материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. / Отв. редактор А.Ю. Маленова. – 2015. – С. 133–138.
86. Технологии социальной работы с различными группами населения: учебное пособие [Текст] / Отв. ред. П. Д. Павленка. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 272 с.
87. Тхай Чи Зунг, Самооценка психологического возраста [Текст]:. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук. / ЧиЗунгТхай–СПб., 1991. – 16 с.
88. Улитенко Т.В. Сложность субъективной картины жизненного пути личности как социально-психологическая характеристика жизненного самоопределения студентов [Текст]: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.05 / Улитенко Татьяна Викторовна. – Санкт-Петербург, 2014. – 202 с.
89. Франкл, В. Воспоминания [Текст] / В.Франкл. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – 196 с.
90. Фрейджер, Р., Личность. Теории, упражнения, эксперименты [Текст] / Р.Фрейджер, Д. Фейдимен. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. – 608 с.

91. Холуева, К.А. Проблема насилия в семье [Текст] / К.А. Холуева, А.Н. Панфилова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2010. – № 3. – С. 49–50.
92. Чудакова, К.И. Психосоциальная работа с детьми, подвергшимися насилию. [Текст] / К.И. Чудакова // VII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум». – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2015/1095/10351>, свободный.
93. Чупина, Г.А. Комплексный подход к проблеме предотвращения насилия в семье [Текст] / Г.А. Чупина, И.В. Сошникова // Право и образование. – 2010. – № 9. – С. 33–44.
94. Шарипова, М.Е. Этнокультурные особенности субъективной картины жизненного пути [Текст]: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.01 / М.Е. Шарипова. – Санкт-Петербург, 2013.
95. Шведова, Н.О. О насилии в отношении женщин [Текст] / Н.О. Шведова // Насилие и социальные изменения. – 2000 – №2-3 – С.38–53.
96. Ясинова, Н.О. Семья как фактор, детерминирующий криминальное насилие у несовершеннолетних, не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности [Текст] / Н.О. Ясинова // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 2. – С. 306–310.
97. Barbara R., BühlerCh., Gerhard Stumm u.a. Personenlexikon der Psychotherapie. Springer, Wien u.a. 2005.
98. Beck A. T. Cognitive therapy and the emotional disorders. N. Y.: American Book, 1976.
99. Buhler Ch. Biegzycialudzkiego. Warszawa: PWN, 1999. 393 s.
100. BühlerCh. Selbstdarstellung. In: Ludwig Pongratz u.a. (Hrsg.): Psychologie in Selbstdarstellungen. Band 1. Huber, Bern u. a. 1972 S. 9–42.
101. Olweus D. Aggression and peer acceptance in adolescent boys: Two short-term longitudinal studies of ratings. Child Development, 2007. 341 p.